

ВОЛЬФ БЕЛОВ

НАСЛЕДНИКИ ИМПЕРИИ

Вольф Белов

Наследники империи

«Вольф Белов»

2015

Белов В. А.

Наследники империи / В. А. Белов — «Вольф Белов»,
2015

Он – раб, родившийся глухонемым ущербным калекой, он не ведает своего рода и племени. В жилах этого человека течет смертельный яд, сжигающий его изнутри. Он – древний демон, воинственный и кровожадный, коварный и жестокий, водивший за собой целые народы на поле брани, возвеличенный людьми, как бог войны, и ими же низвергнутый в годы отчаяния. Он лишен своего тела, и не в его власти более оставаться в мире живых. Каждый из них обречен на смерть, но человек принял демона в свое сердце, и оба получили новую жизнь. В час, когда над миром взошла Тень и древние царства обратились в прах, на защиту справедливости встал Бельфеддор.

© Белов В. А., 2015
© Вольф Белов, 2015

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вольф Белов

Наследники империи

Часть первая

Тень паука

Он очнулся внезапно, словно от прикосновения. Однако рядом никого не оказалось. Как и прежде, человек сидел, поджав ноги, у почерневшего иссохшего ствола яблони в полном одиночестве. Да и кто бы осмелился потревожить его покой, а уж тем более коснуться...

Освободив руку из складок потрепанного временем дорожного плаща, он взглянул на тыльную сторону ладони. Желтая сморщенная кожа, пятна, узловатые пальцы с пузырчатými ногтями... Он стал древним стариком. Тень Аддата даровала ему бесконечно долгую жизнь, но не даровала вечной молодости. Физически он уже давно должен был стать трупом, но жизнь все еще теплится в иссохшем старческом теле и разум по-прежнему остается ясен – память отчетливо сохранила видения из недавнего сна.

Старец коснулся пальцами черной ветки, та рассыпалась в прах. Он помнил эту яблоню еще живой и плодоносной. Именно этот сад привиделся ему только что, цветущий, как в дни далекой, безвозвратно ушедшей в прошлое юности. Когда-то весь этот край покрывали роскошные фруктовые сады, укрывавшие своей тенью виллы старинных аристократических родов Наккаты. Ныне до самого горизонта и далее знойный ветер пустыни наметал волны барханов, похоронив под толщей песка руины разрушенных городов. Лишь мертвый сад каким-то чудом по сию пору оставался на поверхности, но скоро и его поглотит пустыня. Он привел на земли предков Тень, он разрушил все, что когда-то считал дорогим и ценным для себя. Но в сердце пусто, нет ни капли сожаления. Выбор сделан, могучие силы приведены в движение, теперь уже поздно сомневаться в правильности своих решений, пути назад нет, только вперед, к конечной цели, к воплощению всех грандиозных замыслов или к полному краху.

В той прошлой жизни безусый мальчик любил гулять по родительскому саду, здесь предавался недетским размышлениям, так рано отяготившим разум. Затем столичный университет, жреческий сан, храмовая библиотека и... бездна Аддата. Родители больше никогда не увидели своего младшего отпрыска, так никогда и не узнали, кто поднял Тень из недр Аддата, в сражениях с которой погибли их старшие сыновья, кто разжег столетнюю войну, сокрушившую империю и разрушившую весь старый привычный мир.

Сон вернул старца к прошлому, пробудил в душе воспоминания. Здесь, под этой яблоней, мальчик встретил загадочного путника без лица и без имени, от него услышал фразу, забывшуюся на многие десятилетия и так отчетливо зазвучавшую в сознании сейчас. Кто правит Маграхиром – правит миром. Не посылает ли провидение возможность спасти уже почти загубленное дело, которому посвятил свою жизнь? Маграхир – горный пик на самой границе Севера¹, средоточие неимоверной силы, питающей богов и магов. Даже могучая Тень, всколыхнувшая народы и обратившая в прах многие царства, ничтожна перед его мощью. Но он один из немногих, кто знает, как заполучить не менее, а быть может, даже и более грозную силу, что заставит поделиться властью над миром самого владыку Маграхира. Если бы тогда, много лет назад, в его планы не вмешался странный друг, ставший не менее странным противником...

¹ Север, Юг – имеется в виду как часть света

Старец поднялся на ноги и взмахнул рукой. Песок взметнулся, в воздухе закрубилось облако, принимая очертания паука, раскинувшего лапы в попытке объять весь мир.

* * *

Ударившись углом передка о ствол тополя, телега с треском развалилась. Освободившись от повозки и волоча за собой постромки с обломками передней оси, перепуганная лошадь помчалась дальше. Сидевший в повозке мальчишка подросток кубарем скатился на землю. Он тут же вскочил на ноги и быстро вскарабкался на ветви тополя, укрывшись в листве.

Нахлестывая гиппарионов², с рощицей поравнялись несколько хишимерских всадников. Трое последовали за сбежавшей лошастью, остальные окружили разбитую телегу, спешили, и принялись перегружать мешки с зерном на своих гиппарионов.

Затаив дыхание, мальчишка наблюдал за их действиями. Один из хишимерцев вдруг издал тревожный возглас, указывая своим товарищам на что-то в степи. Проследив его движение, мальчишка увидел приближающийся отряд. Два десятка копейщиков и мечников строем следовали за всадником в измятых бронзовых доспехах и таком же помятом глухом шлеме. Хишимерцы схватились за оружие. На их зов издали примчались еще несколько всадников с обнаженными клинками.

Приблизившись, предводитель неизвестного отряда, натянул поводья и вскинул руку. Воины остановились. Похоже, отряд уже много дней находился в пути, хмурые лица бойцов потемнели от усталости. Среди них не было ни одного юноши, отряд состоял из зрелых мужчин, еще не стариков, но уже и не молодых людей. Отметины на доспехах и щитах свидетельствовали о многочисленных сражениях, о том же говорили и шрамы былых ран, во множестве оставшиеся на лицах и руках.

Неизвестный всадник снял шлем, усмехнулся и произнес на межплеменном наречии, принятом в степях пограничья:

– Храбрые хишимерские воины сражаются с крестьянами.

Он оказался также далеко не молод, как и его воины, в волосах и бороде проглядывала седина, смуглое обветренное лицо избороздили морщины, в глазах навсегда поселилась усталость прожитых лет. На левой щеке воина белел рубец старого шрама.

Хишимерский вождь в кожаной кирасе с медвежьей шкурой на плечах недобро поинтересовался:

– Ты кто такой?

– Капитан Кетаннос, – представился всадник. – Бывший капитан, – поправился он.

– Ногарец, – оскалился в ухмылке хишимерский вождь. – Твоей Ногары уже нет, так что не вмешивайся не в свое дело... капитан.

Ногарец огляделся по сторонам, задержал взгляд на кроне тополя. Прятавшийся в листве мальчишка едва не задохнулся от волнения, кровь бешено застучала в висках, ему показалось, что ногарец смотрит прямо на него.

– И не думал вмешиваться, – произнес капитан, вновь вернувшись взглядом к вождю. – Слышал я, твой царь набирает наемников.

– Хочешь продать свой меч?

– Ты сам сказал, Ногары больше нет, мой клинок свободен.

– Тогда води своих людей за нами, капитан.

² гиппарион – древнее животное, предок современной лошади.

Подошли еще воины из отряда вождя, подгоняя плененных крестьян. Увязав на крупах гиппарионов всю поклажу и связав пленников, хищимерцы направились на полночь³. Последовав за ними, капитан Кетаннос оглянулся через плечо, взгляд его вновь надолго зацепился за ветви тополя. И снова мальчишке показалось, что ногарец смотрит прямо на него.

* * *

– Взгляни, повелитель.

Рука Сотаноса указала на ворона, примостившегося на выступе башни.

– И там.

С высоты террасы Ксальмоннатос обвел взглядом внутренний двор своей воздушной цитадели. На карнизах окон, на стенах, крышах замковых переходов, перилах мостков, макушках деревьев, статуях, повсюду сидели черные вороны. Воздушный замок последнего ногарского мага парил на малиновом облаке в высях, недостижимых даже для орлов, появление в его стенах сразу стольких воронов могло означать лишь одно.

– Оставь меня, – потребовал чародей.

Сотанос вышел, унося в подмышке собственную голову. Как только створки с разноцветными стеклами затворились за ним, вороны одновременно покинули свои насесты и устремились к террасе. Птицы сшиблись в ком, и через мгновение перед Ксальмоннатосом предстала фигура в черном просторном одеянии с капюшоном.

– Ты поистине окружаешь себя странными созданиями, – прогремело из-под капюшона громовым раскатом. – Чего стоит только твой слуга, таскающий в руках собственную голову.

– Они гораздо менее опасны, чем те, что окружают тебя, – сухо заметил маг в ответ.

– Твоя правда, чародей, – согласился странный гость.

Его смех отразился дребезжанием разноцветных витражей.

– Твой визит неожидан, уже много лет никто не видел владыку Маграхира вне стен горной обители, – заметил Ксальмоннатос.

– Но это не означает, что владыка не видит всех вас! – грозно прозвучало в ответ.

Гость резко развернулся, порыв ветра всколыхнул одежды ногарского мага. Опершись о перила террасы, гость продолжал:

– Не кажется ли тебе, чародей, что мир стал скучен?

– Мир еще долго не оправится от столетней войны, – ответил Ксальмоннатос. – Считаешь, ему еще недостаточно потрясений?

– Война, – усмешка гостя прозвучала презрительно. – Жалкие смертные – из поколения в поколение они пытаются изменить мир, наивно полагая, что в лучшую сторону. Забавные и тщетные попытки потрясти основы мироздания. Цари и полководцы, жрецы и маги, сколько их уже было, и все пытались установить новый мировой порядок. Должен признать, люди – самые амбициозные создания из всех сотворенных существ. Такие, как ты, прикасаются к вечности и намного удлиняют свой жизненный путь. Точнее говоря, ровно настолько, насколько вам дозволено. К примеру, твоя жизнь и жизнь обитателей твоего замка может считаться бесконечной, пока все вы парите между небом и землей. Но стоит лишь...

Он приподнял правую ладонь и снова надавил на мраморную поверхность перил. Весь замок качнулся, неумолимая сила повлекла воздушную цитадель вниз.

– Ни один маг, ни один жрец не считает себя ровней существующим вечно, – произнес Ксальмоннатос. – Тех, кто забывал, что рожден смертным, уже давно нет.

Замок выровнялся, падение прекратилось.

³ полночь – север, полдень – юг, восход – восток, закат – запад.

– Хорошо, что и ты не забываешь о том, кто есть кто, – прозвучало из-под капюшона глухо и грозно. – Но абсолютное большинство жалких смертных людишек, являясь в мир лишь на ничтожно краткий миг, строит планы на вечность вперед. Взгляни на харберов и морагов, – рука гостя протянулась в сторону полуночи. – Делят меж собой леса и не помышляют ни о чем большем. Людям же всегда мало того, что им позволено иметь. Ты говоришь о потрясениях, чародей. Людишки сами сотрясают мир, и нет никаких причин жалеть их. Разве не сами они когда-то начали поклоняться Бельфеддору, провозгласив низшую тварь богом и залив свои земли кровью? Разве не сами вытаскивали других тварей из недр Аддата?

– Мир уже наказан за это, – сухо напомнил Ксальмоннатос.

– Ни людям, ни другим рожденным не дано право самостоятельно наказывать себя, – прогремело в ответ. – Само ваше существование – лишь дар, который в состоянии отобрать тот, кто его преподнес.

– Стало быть, мир ожидает новая кара, – осторожно предположил ногарский маг.

– Правда твоя, чародей, владыка Маграхира действительно слишком долго не покидал стен храма, стал забываться, превратился в миф, легенду. Последователи Тени жаждут повелевать миром. Пришла пора им вспомнить, что миром правит тот, кто правит Маграхиром. Лишь на его вершине возможно обрести истинную силу и власть бога.

Чуть помедлив, гость многозначительно добавил:

– И кое-кто из них уже вспомнил об этом.

Лицо Ксальмоннатоса утратило бесстрастность, в его глазах отразилось удивление:

– Не понимаю тебя.

– Разуму рождаемых смертными не дано постичь деяния существующих вечно. Над прахом империи ногаров поднимается Дромидион, культ богов мира. Но мирную жизнь еще требуется заслужить.

– В чем же повинны дромиды? – спросил Ксальмоннатос.

– В том, что не похоронили Тень. А раз враг все еще жив, значит, способен нанести удар. И он его нанесет.

– И что? Новая война?

– Поди знай. Тень двинется на Маграхир, а для этого ей понадобится значительная сила, одной лишь армии смертных будет недостаточно. Даже Сердце Мира, которым владеет ведущий Тень, не обеспечит ему победу. Однако он знает, где заполучить эту силу для своих... божков. Ты ведь не забыл, кого оставил в храме в горах Потана?

– Заклятие охраняет храм. Никто, в ком есть хоть частица магической силы, не в состоянии переступить границ святилища, ни маги, ни боги. От посягательства же смертных его оберегают стражи...

– Такие же смертные, – напомнил гость. – Само святилище охраняет твой вечный страж, но он же и является ключом к заклианию, в этом его слабость, тебе это известно. Думаешь, Тень не найдет способ заполучить святыню храма?

– Потребуется очень смелый человек, – заметил маг.

– Скорее, бесстрашный, – поправил гость. – Смертный, в душе которого нет ни страха, ни жалости, ни сомнения, вообще ничего, одна лишь бесконечная пустота. И такой смертный есть. Ты наверняка знаешь, кто он. Знают о нем и жрецы Тени. Те, кто поклоняется Тоту, уже давно разыскивают его.

– Но какова же цель владыки? Ведь если Тень взойдет на Маграхир, она поглотит всю силу мира и станет править вечно. Просто уступить ей главенство? Но ради чего?

– Любой, кто обретет силу Маграхира, обретет власть над миром. Но до его вершины еще нужно добраться, – Громовой хохот сотряс стены замка. Гость резко повернулся к хозяину замка. Вызванный его движением вихрь вновь всколыхнул одежды ногарского мага. –

Ты уже услышал, мир стал скучен и неинтересен. Пора его встряхнуть. Чтобы смертные никогда не забывали, в чьих руках находятся нити их жалких ничтожных судеб.

Ксальмоннатос пристально посмотрел на своего визитера, словно пытался взглядом проникнуть под его капюшон.

– Тень не сможет взойти на Маграхир, – догадался чародей.

– Я это знаю. Ты это понимаешь... А вот последователи Тени в этом не уверены. Не уверены в этом и ее противники. И у тех, и у других будет возможность испытать на прочность власть Маграхира. А ты... Ты сделаешь все правильно.

Капюшон приподнялся, явив взору Ксальмоннатоса пустоту. Черное одеяние распахнулось и рассыпалось стаяй воронов.

* * *

Пропустив человека средних лет в алой тоге, сутулый стражник склонил голову перед своим царем, вышел и затворил за собой дверь. Посланник арамейского императора огляделся. Кроме царя Хишимера, восседающего в деревянном кресле, в покоях находился еще один человек – закутанный в плащ с капюшоном он скромно притулился на скамеечке у стены, почти незаметный в тусклом свете двух свечей, мерцающих в противоположном углу. Тревожимый свечами мрак над его головой колыбался неясной тенью, словно нечто живое, в ней чудились очертания паука.

– Слушаю тебя, посланник, – произнес царь Орангер.

Голос хишимерского царя звучал грозно, вселяя невольный трепет. В соответствии с традициями своего воинственного народа после смерти предшественника этот человек взял власть силой, заставив признать себя правителем всех остальных племенных вождей. Ни собственные подданные, ни чужеземные гости не должны были чувствовать себя рядом с ним уверенно и безопасно, дабы не заподозрить в слабости. Тень над головой незнакомца у стены еще более усиливала гнетущее впечатление, сжимая сердце тревогой. Тем не менее, арамец постарался ничем не выдать свое волнение, хотя отлично понимал, что может и не вернуться на родину.

– Я князь Мессалий, – представился арамец. – Посланник императора Арамеи. Мой повелитель прислал тебе дары в знак дружбы.

– Я знаю, кто ты, – кивнул царь. – Говори, зачем тебя прислал твой император?

– Твои люди грабят поселения в пограничных землях империи. Император желает знать, не означает ли это начало войны?

Орангер скосился на человека в плаще, снова перевел взгляд на арамейца и усмехнулся:

– На пограничье всегда происходят недоразумения. Наши поселения тоже, бывает, грабят какие-то разбойники. Твоему императору не о чем беспокоиться.

– Некоторые князья считают, что у императора есть причины для беспокойства, – заметил посланник.

– Ну, да, – презрительно процедил Орангер. – Ваш молодой правитель шагу не смеет ступить без совета своих князей. А они могут наговорить все, что угодно.

– А как думаешь ты, князь? – шевельнулся незнакомец у стены.

Похоже, человек был уже довольно стар, однако голос его звучал ровно и уверенно.

– Для того я и здесь, чтобы составить собственное мнение, – ответил посланник.

– Думаю, ты уже его составил, – произнес старец, поднимаясь со скамьи и выходя вперед. – Но для царя Орангера важно не твое личное мнение, а то, что ты намерен сообщить своему императору.

Князь Мессалий более пристально взгляделся в старца. Он совсем не был похож на хишимерского жреца, но явно имел значительное влияние на царя Орангера, тот ни словом,

ни жестом не выказывал возражений такому бесцеремонному вмешательству в его беседу с посланником правителя соседнего государства. Капюшон скрывал лицо старца, оставляя открытым взгляд лишь желтый морщинистый подбородок.

Князь перевел взгляд на царя.

– Так что же ты скажешь своему правителю, посланник? – повторил царь Орангер вопрос старца.

– Зависит от предложенных условий, – ответил князь.

Старец удовлетворенно кивнул.

– Я же говорил, он тот человек, который тебе нужен, – сказал он, повернувшись к царю.

Орангер поднялся с кресла и приблизился к посланнику почти вплотную. Рядом с разодетым арамейцем, на холеных пухлых пальцах которого поблескивали перстни и кольца с камнями, рослый широкоплечий повелитель хишимерского царства в простых одеждах из звериных шкур выглядел лесным дикарем.

– У тебя есть земли, князь? – спросил царь.

– Земли есть у всех арамейских князей.

– Если бы у Арамеи появился новый правитель, он наделил бы верных ему людей новыми землями. Твой император вряд ли способен на подобную щедрость.

– Император Рисстаний правит справедливо, – возразил князь.

– Возможно, – кивнул царь Орангер. – Но чтобы одарить подданных новыми землями, требуется эти земли захватить, а ваш император не склонен воевать с соседями.

– Чего не скажешь о хишимерцах, – заметил Мессалий.

– Не будем ходить вокруг да около, – решительно произнес царь. – Окажешь мне услугу и будешь вознагражден. Щедро вознагражден.

– Пытаешься подкупить арамейского князя? – осторожно поинтересовался Мессалий.

– Собираюсь купить тебя с потрохами, – жестко поправил царь Орангер. – Ты ведь не воин, ты торгош. Мне известно, как ты стал князем. Свою выгоду ты нигде не упустишь, а мое предложение более, чем выгодно. Сила сейчас не за Арамеей.

В тусклом мерцании свечей осталось незамеченным, как при этих словах кровь прилила к лицу Мессалия. Свой княжеский титул он и в самом деле обрел не совсем обычным для арамейцев способом. Многих старых князей в свое время назначил сам Хорруг из числа лучших воинов, новые получили свой титул либо по наследству, как достойные преемники, либо были выбраны своими дружинниками, согласно древним арамейским обычаям. Занимаясь торговлей, Мессалий сколотил вполне приличное состояние, чтобы после смерти старшего брата, возглавлявшего род, щедро одарить самых влиятельных своих сородичей и добиться признания его достойным наследником.

После недолгих размышлений Мессалий спросил:

– Что должен услышать мой император?

– Что его империи ничего не угрожает. А грабежи на пограничье – это просто недоразумение, налеты разбойничьих шаек, с которыми в состоянии разобраться местные князья. Окажешь мне эту небольшую услугу, и я тебя не забуду.

Орангер придвинулся еще ближе, едва не коснувшись крючковатым носом лица посланника и впился взглядом в его глаза:

– Мы договорились?

– Твое предложение и в самом деле можно счесть выгодным, – ответил князь, с трудом выдержав взгляд царя.

Несмотря на неприятный холодок, едва не заставлявший трепетать внутренности, арамец, как истинный торговец, не торопился дать окончательный ответ и пытался сохранять спокойствие, подобающее уверенному в себе человеку. Не будучи воином и не отличаясь особой отвагой, тем не менее, князь Мессалий не был и трусом, но сейчас в этой комнате

чувствовал нечто такое, необъяснимое и непонятное, отчего в душу закрадывался страх, обвивая сердце ледяными щупальцами. Несмотря на это тревожное чувство, еще больше князь опасался продешевить, заключая соглашение с хишимерским царем. Однако времени на долгие размышления и переговоры в его распоряжении уже не оказалось.

– Тогда скрепим сделку, – вновь подал голос старец.

На сей раз его голос прозвучал сурово и жестко. Ладонь старца коснулась груди посланника, ребра сдавила боль, в глазах потемнело. Мессалий подался было назад, но жесткая ладонь Орангера удержала его, сильные пальцы царя сдавили шею, звенья золотой цепи князя впечатались в кожу. Едва старец отнял ладонь, Мессалий поспешно обнажил грудь, чувствуя что-то живое под тогой. На коже в области сердца темнело пятно в виде паука.

– Что это? – прохрипел посланник, впервые потеряв самообладание.

– Напоминание, – спокойно ответил старец. – Отступишься, и...

Лапы паука сжались, князь вновь почувствовал боль в сердце. Он вскрикнул и покачнулся. Мессалий попытался было стряхнуть паука с груди, ногти лишь царапнули кожу. Старец рассмеялся, хватка паука ослабла.

– Теперь это клеймо с тобой навсегда, князь. Ты помечен Тенью.

– Можешь возвращаться в Арамею, – объявил посланнику царь. – Ты знаешь, что сказать своему императору.

Мессалий попятился к порогу, по-прежнему потирая грудь. Как только он скрылся за дверью, старец произнес:

– В начале весны ты должен двинуть свои войска на Арамею, царь. Сокруши Дромидион.

– Я свое слово сдержу и без паука на сердце, – усмехнулся Орангер.

– Паука и не потребуется, – холодно ответил старец. – Твой бог задушит тебя во сне и поглотит твою душу. С той поры, как хишимерские племена приняли одного из богов Тени и вышли из полных лесов к равнине, у Тота был лишь один истинный жрец. После смерти Идигера не нашлось достойного преемника, жрецы храма жалки, ничтожны и ни на что не способны. Если не отомстишь Дромидиону за отнятое у него сердце, Тот призовет к ответу именно тебя, как правителя поклоняющегося ему народа. Помни об этом, царь.

Орангер нахмурился и потер ладонью кадык, вспомнив неприятные ощущения, заставляющие просыпаться по ночам.

* * *

Объятия двух тел расплелись, мужчина отвалился от женщины, глубоко вдохнул, сел на циновку и принялся натягивать штаны. Женщина приподнялась на локтях.

– Это что? Все? – удивленно и даже несколько обиженно спросила она. – Я даже не согрелась.

– Я получил, что хотел, – равнодушно отозвался мужчина.

– А я?

– Желания шлюхи меня не волнуют.

Он натянул потертые сапоги, поднялся на ноги, накинул на плечи облезлую безрукавку из шкуры степного волка и застегнул крючки пояса.

– Я не шлюха! – оскорбилась женщина.

– А кто же ты? – спросил мужчина, смерив презрительным взглядом ее обнаженное тело.

– Я честная женщина.

– Честные под своими мужиками пыхтят, а не под кем попало. Ты шлюха.

Женщина вспыхнула от гнева:

– И это вся твоя благодарность за приют и ночлег?!

– Вся, – не поведя бровью, подтвердил мужчина.

Подхватив меч, лук и колчан, он толкнул дверь и вышел из лачуги. Женщина скрипнула зубами:

– Скотина.

Одиноким путник появился на ее пороге поздним вечером, вошел, как к себе домой. Впрочем, хозяйка и не возражала против гостя. Хоть незнакомец и имел вид бродяги, все же не был похож на грабителя. Мужчин в селе почти не осталось, многие жители покинули свои дома в поисках лучшей доли, одиноким женщинам трудно самостоятельно вести хозяйство, сильный здоровый мужчина, неожиданно появившийся в доме, мог оказаться подарком судьбы. Но призрачные надежды растаяли с наступлением утра, как туман. Путник молча поел, молча лег спать, даже не обратив внимания, что хозяйка примостилась рядышком с ним. Только под утро он вроде бы соблазнился женским теплом, но лишь на краткое время, и тут же собрался в дорогу, исчезнув из жизни селянки так же неожиданно, как и появился.

У входа в лачугу стоял невысокий степной гиппарион без седла и без уздечки, понуро склонившись головой к яслям. Из шерсти кобылы торчали колючки, хвост также пестрел колючками и репьем, грязная косматая грива свесилась на морду. Мужчина перекинул через круп мешки с овсом, приладил лук и колчан. При этом лошадка даже не взглянула на хозяина, все так же понуро хлюпая губами по днищу опустевшей кормушки. Мужчина сгреб в ладонь гриву кобылы, вывел ее на дорогу, забрался на круп и, усевшись боком, вполголоса скомандовал:

– Пошла.

Перебирая копытами и по-прежнему не поднимая головы, кобыла неспешно двинулась вперед. Наездник, сидя на ее хребте вполоборота, поджал под себя одну ногу. Они вполне понимали друг друга – седоку было без разницы куда ехать, кобыле было все равно куда идти.

Свой меч всадник пристроил на колене. Он не держал меч в ножнах, даже не имел их, его клинок всегда был обнажен и всегда под рукой. Он залез пальцами в кисет на поясе, извлек щепотку, засыпал под язык и закрыл глаза. Мерное покачивание убаюкало, тело обмякло, расслабившись в объятиях теплых волн. Легкий ветерок поднял на своих крыльях в поднебесье, разум воспарил над миром. Восприятие обострилось до невозможности: он слышал крики рожениц в далеких селениях и плач новорожденных, шелест прибрежных волн, шорох листвы в тревожимых ветрами лесах, грохот водопадов, топот табунов, песни птиц, стрекот насекомых... Все звуки мира сплелись в единое целое, но каждый существовал отдельно, и сам он чувствовал себя частью единого мира. Ход времени замедлился и остановился, обратившись в бесконечность.

Всадник резко разомкнул веки, как это делал всегда. И, как обычно, в первое мгновение в глазах потемнело. Наваждение разом отступило, властная рука реальности вырвала его из заоблачных высей. Любой другой наверняка свалился бы с лошади от такой внезапной перемены ощущений, он же даже не покачнулся.

Кобыла остановилась возле стога сена, опаленного и почерневшего с одной стороны. Оглядевшись, путник поймал взглядом обугленные останки строений. Похоже, не так давно местное селение подверглось нападению. Постройки сожгли, селян угнали, либо сами ушли, собранное сено так и осталось в стогах.

Погладив ладонью рукоять меча, путник громко произнес:

– Вылезай.

Он никого не видел и не слышал, но лишь одному ему ведомым чутьем сразу определил – здесь кто-то есть.

– Вылезай, – повторил путник. – Будешь прятаться, зарублю.

– Не надо, – сдавленно прозвучало в ответ.

Сено зашевелилось, из стога на четвереньках выбрался босоногий чумазый мальчишка подросток в залатанных коротких штанах и такой же выдавшей виды плотной тунике, пестревшей заплатками. Придерживая рукой бесформенную войлочную шапку на голове и испуганно глядя на незнакомца, он прошептал:

– Не убивай.

– Ты из местных, парень? – равнодушно спросил путник, указав взглядом на останки построек.

Мальчишка помотал головой:

– Я тут случайно. Мы шли в Хорум, но в пути на нас напали хишимерцы. Всех схватили, только я остался. Теперь иду один.

– Понятно, – все так же равнодушно произнес путник.

Хишимерские отряды и в самом деле частенько совершали набеги на земли, лежавшие между Хишимерским царством и Арамейей, ставшие с падением Ногарской империи практически ничьими. Старики, еще помнившие поход арамейцев к побережью, рассказывали, будто сам Хорруг поклялся взять степи под свою защиту. Однако после смерти первого арамейского императора его последователи быстро забыли обещание своего повелителя, и на обширной территории к полуночи от новой империи установилось безвластие. Этим и пользовались вожди воинственных хишимерских племен с негласного одобрения своего царя. В последнее время их набегам стали подвергаться и селения арамейских пограничных провинций. Крестьяне целыми поселениями покидали свои земли, но не всем удавалось избежать пленения, многие переселенцы попадали в хишимерское рабство. Даже кочевники-гипиты, сильное некогда сообщество степных племен, бросавшее вызов самой империи ногаров, вынуждены были откочевать на закат, не выдержав противостояния с хишимерскими грабителями. Утерянные в стычках гиппарионы степняков сбивались в дикие табуны, что вытаптывали посевы, добавляя еще больше бед местным крестьянам.

– Пошла, – скомандовал путник своей кобыле.

Копыта снова неспешно зашуршали по скошенной желтеющей траве.

– Не бросай меня! – умоляюще крикнул мальчишка ему вслед.

Путник равнодушно пожал плечами:

– Ты не вещь, чтобы брать тебя или бросать. Человек волен идти, куда он хочет.

Мальчишка поежился, скосил глазами по сторонам, вытянул из стога рваный шерстяной плащ, накинул его на плечи и неуверенно зашагал вслед за путником.

* * *

Один из телохранителей спрыгнул с седла и схватил повод гиппариона своего повелителя. Царь Орангер медленно спустился на землю.

Поездка была недолгой, всего лишь за ворота столицы Хишимерского царства. Некогда этот каменный город, воздвигнутый на границе полночных лесов и бывших ногарских равнин, излучал свет. Ныне же от его стен веяло мрачностью, город словно подавлял своей угрюмостью. Вышедшие из лесов несколько десятилетий назад лесные племена, покорили город-царство Дромидию и перебили всех жителей. Копоть тех давних пожаров словно навсегда въелась в стены, превратив белый камень в темно-серый. Служители Тота, утверждали, что сам бог Смерти, окрасил город в мрачные оттенки, сокрушив прежний культ и явив последователям свое величие и могущество. Построившие на руинах Дромидии новое царство хишимерцы уничтожили всякое напоминание о прежних хозяевах и даже дали городу новое имя.

За стенами Мархаба раскинулся еще один город – походный. Пестрели палатки, топорщились опорные жерди шалашей, вились десятки дымков походных костров. Со всего Севера к Мархабу стягивались наемники, польстившись на солидную плату, обещанную царем Орангером. Даже среди собственных воинов правителя Хишимера никто не догадывался, что царская казна абсолютно пуста, а щедрые обещания царь раздаст, лишь надеясь на богатую добычу в предстоящем походе. Однако посулы были столь убедительны, что в желающих обогатиться своими клинками чужой кровью недостатка не наблюдалось.

Почти никто не сомневался, что удар нацелен на Арамею, но в открытую об этом не говорилось. Молчал и сам царь, никто не знал, когда же войско, наконец, выдвинется к побережью. Новые отряды наемников все прибывали, располагаясь разношерстным табором вокруг Мархаба. В ожидании обещанной награды наемники пользовались разрешением царя Орангера на грабежи пограничья и окрестных лесных поселений.

– Подошли еще полсотни бойцов, – сообщил царю один из племенных хишимерских вождей.

– Кто? – спросил Орангер.

– Лесные дикари, – пренебрежительно ответил вождь.

Войско и впрямь по большей части напоминало дикую орду, особенно наемники из далеких полных лесов, одетые в шкуры и вооруженные бронзовыми топорами, рогатинами, даже дубинами.

– А эти откуда? – поинтересовался царь, обратив взор на приближавшегося всадника в помятой бронзовой броне, за которым следовали строем два десятка воинов.

Вожди переглянулись, некоторые пожали плечами, один произнес:

– Его зовут капитан Кетаннос. Я встретил его на пограничье.

– Ногарец? – удивился царь.

Приблизившись, предводитель ногарского отряда спешил и снял шлем. Был он уже далеко не молод и лицом не походил ни на одного представителя племен, обосновавшихся на равнине между полными лесами и побережьем, как и его бойцы.

– Приветствую тебя, царь Орангер, – произнес воин.

– Мне сказали, ты воин Ногары, это так? – спросил правитель Хишимера.

– Да, я капитан Кетаннос, – подтвердил воин.

– Слышал я, что все ногарцы давным-давно ушли на восход, – заметил царь.

– Не все, как видишь, – ответил Кетаннос.

– И что же заставило тебя остаться? – с усмешкой поинтересовался Орангер.

– Я сражался за эту землю против арамейцев, но проиграл. Тем не менее, готов сражаться снова.

– Хочешь стать наемником? – снова усмехнулся царь. – С чего ты взял, что я собираюсь воевать с Арамеями?

– Никто не собирает большую армию без причины, – заметил ногарец. – Других достойных противников у тебя нет, нетрудно догадаться.

– Хорошо, что не все такие догадливые, – процедил Орангер. – А скажи-ка мне, ногарец, ради чего ты готов сражаться? Я не верну тебе твою Ногару.

– Империя умерла и более не возродится. Мое прошлое умерло вместе с ней. Теперь я наемник и собираюсь продать свой клинок тебе. Дорого продать.

– С чего ты взял, что я заплачу тебе больше, чем остальным?

– С того, что без меня твоя армия не пройдет дальше Хорума.

Царь нахмурился:

– Объяснись.

– Твое войско – бестолковое стадо баранов, так же, как и их предводители.

Племенные вожди гневно взроптали, одновременно лязгнули несколько клинков, вылетая из ножен. Ногарский капитан даже не повел и бровью. Орангер вскинул руку, повелительным жестом останавливая оскорбленных вождей.

– Ты слишком дерзок, ногарец, – сурово заметил царь.

– Правда всегда звучит дерзко, – ответил Кетаннос. – Но лживая лесть не в моих привычках, да и тебе не пойдет на пользу.

Орангер усмехнулся и произнес:

– От полночных лесов до самого Круглого моря хишимерцы считаются лучшими бойцами.

– Именно поэтому вам понятнее язык меча, а не слов, – кивнул Кетаннос.

Он положил ладонь на рукоять меча:

– Пусть твои воины сразятся с моим отрядом, и ты сам все увидишь, царь.

– Позволь моим бойцам сбить спесь с этого ногарского вояки, – попросил один из вождей, хищно оскалившись.

– Да будет так, – кивнул царь, вновь усмехнувшись. – Развлечемся.

Кетаннос надел шлем и отступил к своим солдатам, строй тут же сомкнулся, вкруговую ошетилившись копьями и мечами. Вождь, вызвавшийся наказать бывшего ногарского капитана за дерзкие речи, во главе полусотни своих воинов устремился вперед.

Приготовившихся к продолжительному зрелищу Орангера и его свиту ожидало разочарование, бой продлился недолго. Ногарцы почти не нарушили строй, при этом атака хишимерцев захлебнулась мгновенно, а вскоре их предводитель лежал среди мертвых тел своих воинов, чувствуя у своего горла лезвие кинжала, а на груди колено Кетанноса. Не отпуская вождя, ногарский капитан взглянул на царя.

– Я увидел достаточно, – произнес Орангер. – Оставь его жизнь мне, ногарец.

Кетаннос поднялся, спрятал оружие в ножны.

– Твои воины и в самом деле знают свое дело, – с уважением признал царь Орангер.

– А твои – не очень, – ответил Кетаннос.

– Не забывайся, – нахмурился Орангер. – Я ценю воинов за их мечи, а не за длинные языки. Говори только по делу.

– Хишимерцы хорошие бойцы, спору нет, – произнес Кетаннос, прямо глядя царю в глаза. – Но бьетесь вы каждый сам по себе. То, что годится для небольшой стычки с малым отрядом, абсолютно неприемлемо для крупного сражения. Арамейцы уже давно не те лесные воины, с которыми бились ваши деды. Я видел Хорруга так же, как тебя, царь, я был одним из последних воинов, защищавших столицу Ногарской империи, я знаю, как воюют арамейцы. Хорруг был истинным полководцем, он создал сильную армию. Пусть нынешний арамейский император слаб, но живы еще многие полководцы, пришедшие с Хорругом на побережье. Оставаясь просто вооруженным стадом, вы, может быть, одолеете отряды князей пограничья, но против арамейской армии вам не устоять. Твои воины должны научиться сражаться единым строем, кроме того, им понадобятся доспехи и вооружение, особенно северным наемникам. И придется освоить осадные орудия, без них не взять крупные крепости.

– Не доверяй чужеземцу, царь! – прорычал один из вождей.

Орангер вновь вскинул руку:

– Я нанимаю этого ногарца. Вы будете слушаться его во всем, если не хотите окончить свои дни на алтаре Тота. Капитан Кетаннос, я поручаю тебе обучить моих воинов. К весне у меня должна быть армия не хуже арамейской.

* * *

Колонна из двух десятков всадников втянулась в распахнутые ворота Хорума. Под предводительством своего князя, правителя города и всей Велихарии, всадники проследовали до княжеского дворца.

Разрушенная во времена Хорруга и частично восстановленная арамейцами бывшая резиденция ногарских царьков выглядела угрюмо. При последнем ремонте окна в каменных стенах значительно уменьшились в размерах, а кое-где и вовсе пропали, разбитые стекла заменили деревянные ставни. Новая неумелая кладка резко отличалась от той, что сложили некогда ногарские каменщики, кое-где появились пристройки, полностью нарушившие первоначальный архитектурный замысел, исчезла каменная открытая терраса при входе, ее заменило широкое деревянное крыльцо, привычное для арамейских теремов. Когда-то заложенный фонтан во дворе так и остался грудой камней, обвалившиеся канавы поросли бурьяном. Полуобвалившуюся ограду княжеской резиденции также затянули сорняки.

Впрочем, и весь город давным-давно утратил радужные краски – покосившиеся строения, грязные улочки, обвалившиеся ограды. Виной тому была не столько минувшая столетняя война, опустошившая берега Круглого моря, сколько непрерывные грабительские набеги на пограничье со стороны Хишимерского царства, набиравшего силу и демонстрирующего свою мощь ближайшим соседям. Жители, кто мог, давно покинули родные края, оставшиеся едва сводили концы с концами, не в силах наполнить княжескую казну должным образом.

На ступенях крыльца князя Литария встретил его сын Атрий.

– Снова приходили ходоки, – сообщил Атрий отцу. – Жаловались на разбой хишимерцев и просили защиты. Я велел прогнать их.

– Хишимерцы подбираются все ближе к Хоруму, – мрачно произнес Литарий, спускаясь с седла. – Многие поселения разорены, крестьяне не в состоянии пережить зиму. Всю Велихарию ждет голод. Стоит проявлять больше участия к нуждам наших людей, сын мой.

– Что толку вздыхать из-за каждого обиженного крестьянина? – отмахнулся Атрий. – Все пограничье разграблено. Вернулись разведчики из дальних дозоров, хишимерцы обирают не только нас. Поселения Ритании и Легардии также подвергаются набегам, хотя и в меньшей степени.

Воины приняли щит и копье князя, увели его гиппариона в конюшню. Литарий и Атрий прошли в большой трапезный зал, самое просторное помещение во всей резиденции.

– Не будь таким пренебрежительным к нашим крестьянам, – предостерег сына Литарий. – Ногарская равнина досталась нам вместе с людьми, что жили тут всегда, и сам Хорруг завещал арамейским воинам беречь мирных жителей, принявших власть Арамеи. Велихария – это не только земля, но и люди. Не станет их, тяжело придется и нам.

– Мы должны дать бой хишимерцам, – решительно произнес Атрий. – Довольно терпеть их грабежи. Иначе совсем скоро здесь не останется никаких людей, ни велихарийцев, ни арамейцев.

Князь потерял свою седеющую бородку и покачал головой:

– Мы не сможем противостоять армии хишимерцев, их сила очень велика.

– Так что же? Нам просто покориться? Отдать все без боя?

Князь обнял сына за плечи, заглянул ему в глаза и произнес:

– Хишимерцы неспроста так усердно грабят пограничье. Они готовятся к войне. Хишимерцы ослабляют нас и усиливаются сами. Думаю, не позднее весны армия хишимерского царя вторгнется в Велихарию и Хорум падет. Даже если соберем всех, кто в состоянии сражаться, нам просто нечем вооружить своих людей. С кольями в руках не остановить

вооруженную армию. Хишимерцы всегда были отличными воинами и их очень много. Столетняя война обошла стороной их племена, царство хишимерцев слишком могучий противник. К тому же, ты сам слышал, говорят, в Мархаб стягиваются наемники со всех полных земель.

– Отправь еще раз гонца к императору, – слышался позади девичий голосок. – Попроси у него помощи.

Литарий обернулся, в дверях стояла его дочь Иррея.

– Опять уши греешь, – нахмурился князь. – Заняться нечем?

– Отправь гонцов, – требовательно повторила девушка.

Князь покачал головой:

– Император уже ясно дал понять, что не собирается вступать в войну.

– Даже под угрозой потери всех пограничных провинций? – недоуменно спросила Иррея.

Литарий тяжело вздохнул. Обхватив себя за плечи, он прошелся вдоль стены, остановился у окна:

– Когда-то Хорруг пообещал всем жителям этих земель свою защиту. Но он увел свою армию на побережье, а его сын, как и многие князья, предпочитает не вспоминать клятву отца. Он скорее дождется, пока хишимерская армия подойдет к стенам Орамоса, чем сам выступит в поход.

– Значит, мы должны убедить императора, – произнес Атрий.

– Невозможно убедить того, кто не слушает, – снова вздохнул Литарий.

– И все-таки, мы должны попробовать еще раз, – убежденно повторила Иррея. – Если император не желает слушать тебя, нужно убедить того, кого он станет слушать.

– И кого же, например? – с усмешкой поинтересовался отец.

– Верховного жреца.

– Я согласен с Иреей, – поддержал сестру Атрий. – Отец, один из наших воинов, бежавший из хишимерского плена, сегодня встретил здесь в Хоруме человека и узнал в нем жреца Тота. Я приказал пока не трогать его, но мы присматриваем за ним. Если схватить черного жреца и как следует допросить, он наверняка что-нибудь поведаст о планах своего царя.

– Предлагаешь отправить его в Орамос? – спросил князь.

– Именно так, – подтвердил Атрий.

Князь ненадолго погрузился в размышления, поглаживая ладонью бородку. Атрий и Иррея молча ожидали его решения. Наконец, Литарий поднял взгляд на своих детей и произнес:

– Да будет так. Захвати черного жреца, сын мой. Мы допросим его, и если сведения будут ценны, ты лично доставишь пленника в Орамос верховному жрецу Дромидиона.

Атрий согласно кивнул:

– Я сделаю это, отец.

– Отправь гонцов к князьям Легардии и Ритании, – посоветовала отцу Иррея. – Их княжества в такой же опасности, как и наше. Пока не придет помощь из Орамоса, нам лучше держаться вместе.

Литарий хмыкнул, окинул девушку взглядом и заметил:

– Тебе следовало бы сейчас подумать о другом. Князь Кадоний присылал сватов, но до сих пор не получил ответа.

Иррея насупилась:

– Я еще не готова дать ответ.

– От тебя этого и не требуется, – сурово ответил отец. – Он ждет его от князя. А тебе мое решение известно. Ваш союз был оговорен с его отцом еще при вашем рождении, пришла

пора исполнить уговор. Хватит тянуть время. Я не стану выдавать тебя замуж против воли, но ты не говоришь ни да, ни нет. Что же я должен сказать твоему жениху?

– Мне казалось, вы неплохо ладите с Кадонием, – произнес Артий. – Откуда твоя нерешительность, сестра?

– Дай мне еще немного времени, отец, – попросила девушка.

– Будь по-твоему, – кивнул Литарий. – По крайней мере, нам будет, о чем поторговаться. Тяжелые времена близятся, а князь Кадоний слишком своенравен, его всегда было тяжело убедить в чем-либо без хорошей приманки. А приманка хороша.

Он прищелкнул языком, окинув взглядом стройную ладную фигурку дочери. Девушка озорно блеснула глазами.

* * *

Путник тяжело опустился за стол в углу общего зала трактира и привалился спиной к стене. Каждое его движение было медлительным и ленивым, словно давалось с трудом. В холодных бесцветных глазах читалось безграничное равнодушие ко всему окружающему.

Свой обнаженный меч он положил на стол, рукоятью под правую руку.

– Можно, я сяду с тобой? – робко попросил мальчишка.

Он так и следовал за путником от разгромленного поселения до самого Хорума и, даже оказавшись в городе, не отставал ни на шаг.

Путник равнодушно пожал плечами:

– Мне ты не мешаешь, парень.

Мальчишка осторожно примостился на краешке скамьи напротив. Свою шапку он не стал снимать, только поправил торчащие из-под нее в разные стороны волосы.

– Чего изволит господин? – осведомился подбежавший трактирный слуга, с сомнением окинув взглядом посетителя, похожего на нищего бродягу.

Лишь тускло поблескивавший сталью меч гостя внушал некоторое доверие в его платежеспособность, в этих землях люди, владеющие клинком, как правило, никогда не оставались без гроша в кармане. А уж как они зарабатывают на жизнь, честным наймом или кровавым разбоем, это трактирщиков не интересовало.

Путник развеял последние сомнения, ударив о столешницу серебряной монетой:

– Мяса и вина!

– Будет сделано, – заверил слуга, ловко смахнув монету со стола.

В ожидании трапезы путник сидел неподвижно, вонзившись взглядом в дверь на противоположной стороне. Мальчишка молчал, словно опасаясь потревожить спутника, лишь украдкой поглядывал на него. Нашедший его незнакомец по виду значительно отличался от жителей побережья. Светлые, почти белые волосы, коротко и неровно обрезанные, явно ножом, такая же светлая борода, бесцветные глаза, резкие и грубые черты лица, будто вырубленные из куска дерева. Даже фигурой путник напоминал дуб, коренастый и крепкий, с длинными узловатыми руками. Кроме того, его отличала необыкновенная холодность. За все время пути до Хорума, мальчишка не увидел ни одного проявления хоть какой-нибудь эмоции. Голос путника был равнодушен и спокоен, а пустой взгляд словно проникал сквозь людей и предметы, не останавливаясь ни на чем. Создавалось впечатление, будто разумом этот человек где-то бесконечно далеко, но вместе с тем появлялось странное ощущение, что он видит и замечает все, даже то, что происходит за спиной или вообще за стеной.

Людей в трактире было довольно-таки мало, что, впрочем, не удивляло – местные жители, едва сводившие концы с концами, сюда заходили редко, среди проезжих тоже было немного состоятельных людей, в основном крестьяне из разоренных поселений, отправившиеся в путь в поисках лучшей доли. Некогда торговые пути соединяли этот город не

только с побережьем, но и с городами Старой Ногары и племенами подгорных степей близ Маграхира. Ныне же половина земель на восходе обратилась в безжизненную пустыню, старые тракты заросли лесом, где хозяйничали разбойничьи шайки, отряды хищимерцев и харберов – торговые караваны стали редкостью в Хоруме.

Через некоторое время слуга поставил перед гостем чашку вареной телятины и кружку вина. Поймав на себе недоверчивый взгляд слуги, мальчишка поспешно сообщил:

– Я с ним.

Поскольку со стороны мужчины не последовало никаких возражений, слуга пожал плечами и удалился.

Путник принялся разламывать вареное мясо руками. Глядя ему в рот, мальчишка сглотнул и сообщил:

– Меня Кори зовут.

– Мне все равно, – равнодушно отозвался мужчина. – Я никак не собираюсь тебя звать.

Мальчишка снова сглотнул, провожая взглядом кусок мяса, отправившийся в рот спутника, и спросил:

– Можно мне пойти с тобой?

– Ты ведь шел в Хорум, – напомнил мужчина. – Мы в Хоруме. Так какого дьявола ты прилепился ко мне?

– Мои односельчане шли в Хорум, я шел с ними, – уточнил Кори. – Я сирота, мне некуда идти. Один из соседей разрешал мне помогать ему, он кормил меня, – Мальчишка вздохнул и тихо добавил: – Но его убили.

– И теперь ты решил, что тебя буду кормить я? – поинтересовался мужчина.

Если бы не равнодушный голос, лишенный каких бы то ни было оттенков, можно было бы подумать, что он иронизирует.

– Я буду чистить твою лошадь, – пообещал Кори.

– Она не жалуется.

– Я буду стирать твою одежду, – не отступался мальчишка.

– Я тоже не жалеюсь, – все так же равнодушно ответил путник. – А тебе, для начала, не помешало бы постирать свою. Под твоей шапкой наверняка уже завелись вши.

Мальчишка смутился и поправил свою войлочную шапку, в очередной раз попытавшись спрятать под нее торчащие в разные стороны соломенные волосы.

– У меня нет вшей, – обиженно пробормотал он.

Путник отломил кусок мяса, протянул мальчишке.

– Держи, и оставь меня. Мне не нужна компания, заботься о себе сам.

На ночлег путник расположился под навесом конюшни неподалеку от своей лошади, устроив себе ложе на охапке соломы. Кори не последовал за ним, видимо, поняв, наконец, что странник совсем не рад его обществу.

Среди ночи вокруг конюшни замаячили несколько теней. Один из гиппарионов у коновязи встревожено фыркнул, но почти сразу успокоился.

Через мгновение на ложе путника опустилась сеть.

– Не убейте, – предупредительно шепнул кто-то.

С разных сторон тени одновременно устремились под навес. Однако того, за кем явились ночные гости, не оказалось на месте, он появился совсем с другой стороны. Отточенная сталь рассекла воздух, один из налетчиков опрокинулся навзничь, затем еще двое с хрипами упали на солому.

– Не убивать! – снова послышалось предупреждение. – Взять живым!

Теперь предводитель налетчиков уже не таился и отдавал приказы в полный голос.

– Не успеваю по тебе соскучиться, Гишер, – громко произнес путник, ударом клинка ломая ребра очередному противнику. – Все никак не угомонишься?

Голос его был спокоен и равнодушен, как обычно, разве что дыхание слегка участилось. При этом он разил своих врагов из темноты молниеносно и безжалостно.

– Ты все равно вернешь нам нашего бога! – то ли потребовал, то ли пообещал предводитель налетчиков, предусмотрительно отбежав подальше назад.

В этот момент послышался звонкий голос:

– Это здесь!

Из-за угла трактира выбежали несколько человек, двор конюшни озарился светом факелов.

– Жреца взять, остальные не нужны, – прозвучал приказ из темноты.

После недолгого сопротивления оставшиеся в живых налетчики легли под ударами мечей незнакомых воинов. Гишер скрипнул зубами от боли в суставах, когда двое дюжих парней в кожаных доспехах лихо заломили ему руки за спину.

Предводитель воинов осветил путника факелом. Тот по-прежнему был подобен холодному равнодушному камню, однако меч в его руке явно был готов в случае необходимости обратиться на новых противников.

– Я Атрий, мой отец Литарий, князь Велихарийский, правитель Хорума, – назвался молодой воин. – Ты кто такой?

– Странник, – небрежно ответил путник. – У меня отца нет.

– Ты похож на каданга, – произнес молодой княжич, внимательно взглядевшись в грубые черты лица бродяги. – Нечасто встретишь вас в наших краях. Но о тебе я, вроде, слышал. Как тебя зовут?

Каданг не спешил с ответом.

– Ну?! – повысил голос Атрий.

Вместо бродяги ответил жрец. Приподняв голову, он прохрипел:

– Его имя Тангендерг, он предназначен моему богу.

Тяжелая оплеуха заставила его вновь опустить голову.

– Да, именно о тебе я и слышал, – произнес Атрий, внимательно рассматривая каданга при свете факелов. – Здесь что делаешь?

– Странствую, – все так же равнодушно и нехотя отозвался путник.

– Почему эти на тебя напали? – продолжал допрашивать Атрий, держа левую ладонь на гарде⁴ меча.

Кивком он указал на мертвые тела ночных налетчиков.

– Спроси у него, – Тангенденг в свою очередь кивнул на скрюченного жреца.

– Спрошу, – сурово пообещал Атрий. – Что ж, можешь странствовать дальше, странник.

В сопровождении своих воинов княжич покинул двор. Гишера потащили словно куль с мукой, убитых оставили заботам трактирщика.

– Это я их привел, – робко подал голос из темноты Кори. – Я видел, как разбойники подбирались к тебе, и позвал стражу.

– Эти парни знали, кого ищут, – возразил Тангендерг. – Они явились бы и без твоей подсказки. В любом случае, мне не нужна помощь, так что благодарности не жди.

На рассвете Тангендерг покинул Хорум. Он сидел на крупе своей косматой лошадки в привычной позе, подогнув одну ногу и держа меч на колене. Каданг не оглядывался, но точно знал, что Кори следует за ним.

⁴ гарда – перекрестье меча.

* * *

Бронзовые клинки в очередной раз скрестились, металлический звон эхом отразился от каменных стен. Двое мальчишек сошлись в схватке.

Стоя в стороне с обнаженным мечом в руке, царь Орангер наблюдал за учебным поединком своих сыновей. Старшему совсем недавно исполнилось шесть лет, младшему лишь несколько недель осталось до пяти. Оба готовились стать настоящими воинами, как и подобает будущим преемникам царя. Кто из них заменит Орангера на царском троне, ведомо одной лишь судьбе. Скорее всего, в борьбе за власть один убьет в поединке другого, а быть может, обоим ждет смерть от более сильного претендента. Именно так поступил и сам Орангер, перебив всех наследников предыдущего правителя, своего дальнего родственника Азгандера, включая малолетних детей. Таковы традиции, такова жизнь, власть берет сильнейший.

Наблюдая за поединком сыновей, Орангер подумал, что, несмотря на малый возраст, младший, все-таки, обладает большей сноровкой. Старший недостаточно времени уделяет тренировкам, гораздо более его влечет учение жрецов, поклоняющихся Тоту, мрачному покровителю Хишимерского царства. Пожалуй, по достижении совершеннолетия, он вполне может возглавить служителей культа, но пока его судьбой распоряжается отец. Орангер же, как и многие племенные вожди, еще помнившие традиции лесного народа, предпочитал магическому слову острый клинок.

Несмотря на свое настороженное отношение к темному культу, Орангер все же признавал его необходимость. Свиное и злобное божество, некогда призванное предками в покровительство, помогало удерживать в повиновении воинственных подданных. Вольница независимых когда-то родовых общин все более сменялась слепым подчинением племенным вождям и верховному правителю. Удручало лишь то, что и сам царь, принимая на себя бремя власти, оказывался под неусыпным контролем божества, что в буквальном смысле держало за глотку правителя поклоняющегося ему народа. Взойдя на трон, Орангер принял на себя и обязательство вернуть богу его утраченное сердце. Жрецы не способны ни на что, держать ответ за все в случае неудачи перед ликом свиного покровителя придется ему, царю Орангеру.

Низкая дверь скрипнула ржавыми петлями, в тренировочный зал вошел Кеттанос. Бросив взгляд в его сторону, царь Орангер два раза ударил рукоятью кинжала в висевший рядом на стене щит. Услышав этот сигнал, сыновья остановили поединок и опустили клинки.

– Отдыхать, – распорядился царь.

Поклонившись отцу, мальчики повесили мечи на стену и покинули тренировочный зал.

Снова обратившись взглядом к ногарцу, царь произнес:

– Пожалуй, стоит казнить кое-кого из стражников. Ты гуляешь по моему дворцу, как у себя дома.

– Лучше избавься от вождей, – посоветовал Кеттанос. – Пока в твоей армии существуют родовые отряды, самой армии не будет.

Царь нахмурился:

– Я нанял тебя, чтобы ты обучал моих воинов, а не лез со своими советами в устои моего народа.

– Воинов обучить можно, а как обучить армию, если каждый предводитель племенного отряда считает себя полководцем? Они тянут твоё войско в разные стороны. Глядя на них, и северные наемники забывают о дисциплине. Я знаю устои твоего народа, не говори, что дорожишь племенными вождями, каждый из них в любой момент всадит тебе нож в спину.

– Не забывайся, ногарец! – свирепо прорычал царь. – Когда придет время, я сам разберусь с вождями, мне не нужны междоусобные распри. Занимайся своим делом, и не лезь в то, что тебя не касается. Убирайся!

Кетаннос скрипнул зубами, развернулся и вышел из зала.

Оставшись в одиночестве, царь Орангер дал волю чувствам и со всей силы всадил острие кинжала в висевший на стене щит. За свою непомерную дерзость ногарец когда-нибудь поплатится, но пока он нужен, и необходимость сохранять ему жизнь приводила царя в еще большую ярость. Более всего раздражала правота наемника. Древние устои мешают продвигаться вперед, но племенные вожди слишком сильны, от них просто так не избавишься. В свое время Хорруг, ставший воплощением вечного противника всего хишимерского народа, избавился от неугодных ему арамейских князей, отправив их в битву на верную смерть. Быть может, в предстоящей войне и Орангер сможет тем же способом укрепить собственную власть. Лишь бы удержать эту самую власть до весны.

* * *

– Привал! – объявил Атрий, натянув поводья. – На ночь остановимся здесь.

Перелески Велихарии остались позади, впереди простирались бывшие ногарские, а ныне арамейские равнины. Здесь уже не чувствовалось опасное соседство, так далеко хишимерские грабители пока не забирались, встреченные по дороге поселения вели вполне сносную мирную жизнь.

Атрий спешил первым. Сумерки сгущались довольно быстро, ночь обещала быть безлунной. Воины принялись разбивать лагерь. Одни повели гиппарионов на водопой к ручью, другие принялись распаковывать припасы, разбили палатки, разложили костер.

Связанного Гишера, лежавшего поперек седла, бесцеремонно свалили на землю. Ударившись, жрец глухо простонал.

– Сюда его, – распорядился молодой предводитель отряда. – Пусть будет на виду.

Один из воинов схватил Гишера за шиворот и швырнул к ногам Атрия.

После пыток, перенесенных в застенках Хорума, все тело жреца ломала одна сплошная боль. Три дня его постоянно жгли раскаленным металлом, выкручивали руки на дыбе, ломали ребра, пальцы на руках и ногах. Теперь каждое движение, каждый вздох порождали боль. Впереди наверняка ожидали новые пытки. Князь Литарий многое узнал на допросе о планах хишимерского царя, но император пожелает узнать еще больше. И без разницы, что жрецу больше нечего добавить, его будут пытать, пока сердце не остановится от жестоких мучений. Но даже не сама смерть как таковая страшила Гишера. Он не считал, что предал своего государя, арамейцы не узнали от него ничего нового, лишь утвердились в своих подозрениях. Более пугало то, что он не сумел исполнить возложенную на него миссию, а за это ожидала кара более суровая от самого Тота, перед ликом которого суждено предстать каждому слугителю темного культа после смерти.

Разгоревшийся костер обдал жаром. Жрец поднял взгляд.

– Что смотришь? – недружелюбно спросил Атрий.

– Пытаешься спасти княжество своего отца? – прохрипел жрец. – Думаешь, арамейский император защитит твою Велихарию?

– Дайте ему по ребрам, чтоб заткнулся, – приказал Атрий.

Один из воинов пнул Гишера в бок, тот содрогнулся, выхаркнув сгусток крови.

– Если так пойдет дальше, я могу не дожить до встречи с твоим императором, – хрипло заметил жрец, когда снова смог заговорить.

– Тогда пореже открывай свою поганую пасть, – хмуро посоветовал Атрий.

– Мне нет особого смысла цепляться за жизнь, мы оба знаем, что из Орамоса мне не выйти живым. Но ты можешь спасти княжество твоего отца. Ты ведь понимаешь, война все равно будет, ее уже не остановить, наши воины выжгут все пограничье дотла. Твою Велихарию может миновать такая участь.

– Завязать ему рот? – спросил один из воинов.

– Подожди, – остановил его Атрий. – Ты хочешь предложить сделку? Что взамен? Наши души для твоего темного бога?

Лицо Гишера скривилось в ухмылке, но вместо смеха из глотки вырвался кашель, на губах выступила кровь. Собравшись с силами, он произнес:

– Гордые арамейцы никогда не отдадут свои души во власть Тота, вы слишком преданы Дромидиону, этому жалкому скопищу слабых божков.

– Не богохульствуй, – грозно предупредил Атрий. – Чего ты хочешь, жрец?

– Одного человека. Всего лишь одного за целое княжество.

Атрий приблизился к пленнику, присел рядом на корточки, схватил за волосы и запрокинул ему голову.

– Бродяга с постоянного двора с мальчишкой, – догадался Атрий. – На него ты охотишься, для этого нанял банду головорезов.

– Наконец-то сообразил, – прохрипел Гишер.

Пламя костра отразилось в зрачках жреца насмешливыми огоньками, а окровавленные губы снова скривились в ухмылке. Именно так показалось Атрию, хотя, скорее всего, это была лишь гримаса боли. Парень сжал пальцы, еще крепче стянув в кулак волосы Гишера, жрец отозвался коротким глухим стоном.

– Зачем тебе бродяга? Что в нем такого?

– Так ли уж это важно, если за счет него ты можешь спасти свою Велихарию?

Свободной рукой Атрий вытащил из костра пылающую головню и поднес к лицу жреца. Пламя опалило остатки бородки служителя культа, утраченной в огненных пытках в темнице Хорума.

– Я спрашиваю, ты отвечаешь, – произнес Атрий. – Я без всякого сожаления выжгу тебе глаза, можешь не сомневаться.

– Не сомневаюсь, – прохрипел Гишер.

В застенках Хорума он на собственной шкуре испытал, насколько бессмысленно ожидать милосердия как от самого князя Литария, так и от его сына.

– Тогда говори, – потребовал Атрий.

Для пущей убедительности он приблизил головню к уху жреца, опалив волосы. Гишер дернулся и поспешно прохрипел:

– Он вернет сердце Тоту.

– Я слышал историю про Хорруга и Тота, – кивнул Атрий. – При чем здесь бродяга?

– Его кровь откроет нашему богу врата в мир живых.

– И тогда вы напоите своего бога нашей кровью, – процедил Атрий сквозь зубы.

Головня коснулась щеки жреца, Гишер вскрикнул.

– Если ты отдашь бродягу нашему храму, царь Хишимера пощадит твое княжество, – пообещал Гишер.

Атрий поднялся и презрительно толкнул жреца подошвой сапога в лицо:

– Трусливая мразь.

От бывалых людей он слышал много историй о разных служителях религиозных культов, в том числе и о жрецах Тота, которые во имя своей веры претерпевали немыслимые мучения, заслуживая уважение противников и благоговейное почитание последователей. Этот же был совсем не таков и свою шкуру явно ценил намного выше преданности культу.

– Где сейчас бродяга? – спросил Атрий, бросив головню обратно в костер. – Я знаю, вы, жрецы, умеете находить то, что вам нужно, особыми способами.

– Это значит, что мы договорились? – осведомился Гишер.

– Это значит, что я хочу знать, где сейчас бродяга каданг.

– Не стоит доверять ему, – заметил один из воинов.

– Знаю, – кивнул Атрий. – Давай на первое время договоримся так, жрец, ты поможешь отыскать бродягу, а я сохраню тебе жизнь.

– Жизнь мне ты и так сохранишь, – отозвался Гишер. – Ты не для того повез меня в Орамос, чтобы прирезать в степи.

– Умен, – заметил Атрий. – А для такого трусливого червяка еще и неразумно болтлив. Ты прав, твоя жизнь мне пока нужна, чтобы предать ее власти императора, – Он опустил сапог на лицо жреца, прижав его щекой к земле так, что хрустнули шейные позвонки, и продолжал: – Но может статься, что ты будешь совсем не рад жизни.

Жрец скривился, коротко простонал, затем хрипло пробормотал:

– Я укажу, где искать бродягу каданга.

Атрий убрал ногу. Жрец приподнял голову и потребовал:

– Развяжи меня.

Атрий кивнул своим воинам, те распутали кожаные ремни на запястьях и щиколотках пленника. Гишер с трудом сел на земле, разминая конечности. Тут же веревочная петля сдавила горло, а в скулу впилося острое кинжала.

– Один неверный шаг, и я отрежу тебе все, что только можно отрезать, – предупредил Атрий.

– Ты очень убедителен, – прохрипел жрец. – Дай мне встать. Я должен отойти от костра, мне нужна темнота.

Атрий натянул веревку и рывком поднял жреца на ноги. Петля едва не задушила Гишера, он снова захрипел, пытаясь негнушимися распухшими пальцами ослабить удавку.

– Я тебя предупредил, – грозно повторил Атрий. – Идем.

Он толкнул жреца в спину, направив его в степь, уже укрытую ночью.

* * *

Рванный шерстяной плащ потяжелел от впитавшейся влаги и давил на плечи. По спине то и дело струйками стекала скопившаяся вода, заставляя Кори содрогаться от озноба. Пожелтевшая трава цеплялась за ноги, стряхивая капли на штанины, босые ступни замерзли и неприятно ныли.

На пограничные степи надвигалась зима. Далеко на полночи леса заметало снегом, здесь же, между морским побережьем и полночными лесами, наступал сезон холодных нудных дождей. С утра северный ветер нагонял тучи, к вечеру небо совсем скрылось за тяжелой свинцовой пеленой, ранние сумерки заморосили дождем. Вернее, это был даже не дождь, а мелкая водяная пыль, словно повисшая в воздухе.

Тангендерг ехал в двух десятках шагов впереди. Похоже, ни он сам, ни его понурая кобыла не испытывали никаких неудобств из-за непогоды. По крайней мере, на поведении обоих это никак не отразилось. Тангендерг все так же сидел в своей привычной позе, закрыв глаза и держа во рту свое дурмящее снадобье из мелко покрошенных и высушенных грибов. Короткие светлые волосы каданга слиплись в сосульки, скопившаяся вода стекала на спину под облезлую безрукавку из шкуры степного волка, но путника это ничуть не трогало. Его кобыла, и без того представлявшая собой жалкое подобие гиппариона, теперь выглядела еще более нелепо. Грива и хвост слиплись сосульками, как и волосы ее хозяина, склонив

голову к самой земле, кобыла неспешно перебирала копытами, абсолютно безучастная к своей судьбе и всему остальному миру.

На протяжении всего пути Тангендерг совсем не разговаривал с Кори, казалось, даже не замечал его присутствия. Наконец, мальчишка решился сам обратить на себя внимание спутника. Догнав кобылу, он произнес:

– Холодно.

Тангендерг не отозвался.

– Где заночуем? – спросил Кори.

Не открывая глаз, Тангендерг процедил сквозь зубы:

– Лучше тебе было оставаться в Хоруме.

– Ты сам сказал, что я не вещь и могу идти куда хочу, – напомнил Кори.

– Тогда иди молча. Я не звал тебя с собой.

Кори снова поотстал. Через некоторое время кобыла вышла на раскисшую от дождя дорогу. Наконец, она остановилась перед большим полуразвалившимся строением. Глинобитые стены частично обвалились, обнажив каркас из кривых жердей, в крытой соломой крыше кое-где чернели провалы.

Тангендерг спрыгнул в лужу, сплюнул свою жвачку, отодвинул большой створ и завел лошадь под крышу. Как и в большинстве жилищ обитателей степи, этот большой дом совмещал в себе под одним кровом все: и жилье для хозяев, и амбар, и загон для скота.

Последовав за кадангом, Кори осторожно спросил:

– А где хозяева?

– Ушли, – ответил Тангендерг.

В степях действительно встречалось много домов и целых поселений, оставленных своими жителями. Скотоводы и пахари предпочитали уходить к морю, подальше от неспокойного пограничья, или под защиту больших городов.

Задав лошади овса из своих походных запасов, Тангендерг уселся на охапку соломы и привалился спиной к столбу, подпиравшему крышу.

– Тут есть дрова, – сообщил Кори, обследовав покинутое жилище почти на ощупь в полутьме. – Можно развести огонь.

– Делай, что хочешь.

Кори сам высек огонь и раздул пламя в очаге. Он придвинулся почти вплотную к огню так, что с плеч вскоре повалил пар. Кори то и дело содрогался в ознобе.

– Разденься, так быстрее высохнешь и согреешься, – посоветовал Тангендерг.

Несмотря на проявленное участие, его голос прозвучал так же бесстрастно и равнодушно, как и всегда.

– А ты? – спросил Кори, оглянувшись через плечо.

Тангендерг ничего не ответил. Всыпав под язык очередную щепотку измельченных грибов, он закрыл глаза. Мальчишка скинул с себя плащ, повесил его на жердину, отыскав место, где не капало с крыши, свою шапку повесил рядом на сучок. Его соломенные волосы, несмотря на то, что намокли, клочками растопорщились в разные стороны. Затем он снова подсел к очагу. Опять оглянувшись на спутника, мальчишка нерешительно стянул с себя тунику, оставшись лишь в коротких штанах и, держа ее в руках, принялся сушить над очагом.

– Что ты все время запихиваешь в рот? – поинтересовался Кори. – Грибы?

Тангендерг не отозвался. Судя по всему, сознанием он сейчас находился очень далеко.

– Говорят, эта дрянь сжигает мозги, – заметил Кори. – Многие впадают в безумие и умирают в муках.

– Я не собираюсь жить вечно, – произнес каданг.

Кори в очередной раз оглянулся через плечо, но теперь надолго задержал взгляд на своем спутнике.

– Спрашивай, – разрешил каданг, не открывая глаз. – Все равно не успокоишься.

Хотя это было довольно странно, что Тангендерг чувствует любое движение вокруг, не размыкая век, но мальчишка уже начал привыкать к необычным способностям попутчика. Чуть помедлив, он спросил:

– Ты не видишь в своей жизни совсем никакого смысла?

Вопрос не заставил Тангендерга задуматься ни на мгновение. Все с тем же непробиваемым равнодушием он ответил:

– Как и в любой другой.

– Тот воин в Хоруме назвал тебя кадангом. Ты с заката? Там твоя родина?

– У меня нет родины.

Пальцы Тангендерга чуть дрогнули на рукояти меча. Тут же со стороны выхода послышался шорох. Раздался старческий голос:

– Мир вашему дому.

Кори испуганно вздрогнул и поспешно натянул еще не просохшую полностью тунику. Тангендерг по-прежнему даже не пошевелился, ладонь он все так же держал на рукояти меча, лежавшего под правой рукой как обычно. Даже под влиянием своего дурманящего снадобья, а может быть, и благодаря ему, он наверняка расслышал шаги незнакомца задолго до того, как тот ступил на порог.

– Что за тобой? – спросил Тангендерг.

– А что ты видишь? – вопросом отозвался незнакомец.

– Ничего. Это и настораживает.

Пальцы каданга вновь дрогнули на рукояти меча. Может быть, он и не счел появление старца угрожающим, но явно был готов отразить любое нападение.

Кори озадаченно потеревил кончик носа, силясь уловить смысл услышанного. Похоже, ночной прохожий в своих странностях несколько не уступал его спутнику. Между тем старик поинтересовался:

– Можно ли переступить порог вашего дома?

– Это не наш дом, – сказал Кори. – У нас нет дома.

– Тогда возблагодарим судьбу за то, что послала усталым путникам приют в непогоду.

Позволите ли погреться с вами у очага?

– Конечно, садись, дедушка, – Кори пригласил старика к огню.

Тангендерг промолчал. Старик, с головой укутанный в выдавший виды дорожный плащ, подсел к очагу, протянул ладони к теплу.

– Далеко ли идешь? – поинтересовался Кори.

– Куда глаза глядят. Я простой путник, странствую по свету. Сожалею, что ничем не могу поделиться с вами, разбойники в степи отобрали все припасы.

Кори повернулся к Тангендергу:

– Между прочим, я тоже есть хочу.

– И что с того? – отозвался каданг. – Я не звал тебя. Его тоже.

Кори перевел взгляд на старика и виновато пожал плечами:

– Извини.

– Нечего пускаться в дорогу, если не в состоянии позаботиться о себе, – процедил Тангендерг.

Кори снова придвинулся к очагу, пошевелил щепкой угли. Из живота слышалось предательское урчание.

– Посмотри в суме у коновязи, – произнес Тангендерг. – Там есть лепешки, возьми одну.

Кори сразу оживился.

– А ты не такой уж бесчувственный, – заметил он, вернувшись к очагу с пшеничной лепешкой в руках.

– Просто не хочу слышать, как урчит твоё брюхо.

Кори разделил лепешку на три части. Одну часть он протянул Тангендергу.

– Ешь сам, – отказался каданг.

Тогда Кори протянул третий кусок лепешки старцу, но тот также отказался:

– Твой друг прав, тебе нужно набираться сил.

– Мы не друзья, – произнес Тангендерг.

Кори снова пожал плечами, молчаливо посоветовав старцу не обращать внимания на нелюдимость спутника. Старец поднес хлеб к губам, не снимая капюшона. Тень почти полностью скрывала его лицо, как ни старался Кори, он не мог разглядеть ничего, кроме безбородого морщинистого подбородка, ни один отсвет огня не проникал глубже под капюшон старого странника.

– Кто напал на тебя? – полюбопытствовал мальчишка. – Хишимерцы?

– Да кто ж их разберет? Сейчас столько грабителей заполонило степь. Если бы был жив Хорруг, он защитил бы своих людей.

– Все так говорят, – согласился Кори.

– Но увы, сей славный воитель пал от руки гнусного убийцы много лет назад, – со вздохом продолжал старец.

– Хорруг получил по заслугам, – неожиданно снова подал голос Тангендерг.

– Как ты можешь говорить такое? – упрекнул его Кори. – Он был великий воин!

– И в чём же его величие? – поинтересовался каданг с явным презрением.

Кори открыл было рот, но не нашёлся с ответом и в поисках поддержки посмотрел на старика.

– Невозможно отрицать величие Хорруга как воина и царя, – произнес старец. – Он объединил дикие лесные племена в могучую армию и привел их к победе, сокрушив империю ногаров. Он бросил вызов божеству хишимерцев и вышел победителем. Своими руками он создал новую империю.

– Все величие вашего Хорруга лишь в том, что он позволил использовать себя, – процедил Тангендерг. – Убогий дромид его руками возродил и укрепил культ своих богов. Это он создал империю арамейцев. Не будь его, Хорруг так и остался бы никому не известным бродягой, наемником, разбойником.

– В твоих словах есть доля истины, – не стал спорить старик. – Но, как бы то ни было, Хорруг стал правителем всего полночного побережья и принес людям мир.

– Только мир оказался недолгим, – заметил Тангендерг.

– В том вина не его, а убийцы, оборвавшего жизнь первого арамейского царя. Горькая ирония судьбы, великий воин пал от руки ничтожного человека.

– Великий воин не смог одолеть одного ничтожного противника? – усомнился Тангендерг. – Похоже, молва слишком преувеличивает его величие.

Впервые Кори не слышал в голосе спутника ставшего уже таким привычным абсолютного равнодушия, сейчас в нём звучала откровенная пренебрежительность и даже презрительность. Такое отношение к имени легендарного царя Арамеи уязвляло мальчишку, но вступать в перепалку с кадангом он не решился.

– О Хорруге уже складывают легенды, – произнес старец. – Имя его убийцы не известно никому. Его личность померкла в тени великого царя. Если бы он хоть в половину обладал теми же достоинствами, что и Хорруг, то уже проявил бы себя. Обычно царей уничают, чтобы самим занять трон. Этот же просто исчез. Поговаривают, что преследуя царя, убийца даже последовал за ним к тайному горному святилищу, но не решился подняться в храм.

– Для неизвестного человека, о нём не так уж мало известно, – заметил Тангендерг, голос его вновь обрёл обычное равнодушие. – По крайней мере, тебе.

– А что в том храме в горах? – любопытствовал Кори.

– Святыня, охраняемая божеством воинов кадангов, – ответил старый путник.

Кори перевел взгляд на Тангендерга. Тот все так же сидел неподвижно с закрытыми глазами.

– Никому не дано пройти мимо бессмертного стража, не сразившись с ним, – продолжал старик. – А скрестив с ним клинки, не дано стать победителем.

– И опять тебе слишком много известно о месте, которое считается тайным? – процедил Тангендерг. Его пальцы дрогнули на рукояти меча, словно проверяя, готово ли оружие к бою: – Все это глупые крестьянские сказки, Если каждого ждет смерть у врат храма, как же тогда ваш хваленый Хорруг вернулся оттуда живым?

– Кто знает... – Старец пожал плечами. – Если бы убийце хватило смелости повторить путь Хорруга до самого храма, он бы знал ответ.

– Но ему не было нужды подниматься в горы, – произнес каданг. – Хорруга там уже не было.

Кори переводил недоуменный взгляд с одного на другого, явно утратив нить разговора. А вот спутники, похоже, неплохо понимали друг друга.

– Может быть, – не стал возражать старец. – Но людская молва утверждает обратное. Люди вообще много, что рассказывают. Вот слышал я, что есть один скиталец, на которого охотятся хищимерские жрецы. Когда жрецы схватят его, то принесут в жертву своему богу, чтобы открыть врата в наш мир для Тота.

– Если схватят, – тихо поправил его каданг сквозь зубы.

– Ты верно подметил, – кивнул старец. – Уже появились и другие охотники, которые, напротив, жаждут смерти скитальца, дабы кровь его никогда не пролилась на алтарь Тота. И этому бродяге тоже не хватает смелости встретить опасность лицом к лицу, он предпочитает постоянно убегать. Хотя, говорят, мог бы стать не менее великим, чем воители из легенд. Мир постоянно меняется, его изменяют сильные люди. Они же им и правят. А силу не проявить, постоянно уклоняясь от встречи с противником.

Он поднялся и взял в руки свой дорожный посох.

– Благодарю за приют и трапезу. Мне пора.

– Ночь на дворе! – удивился Кори. – Подожди до утра.

– Я не заблужусь в ночи, – заверил его старец и вышел за порог.

Кори взглянул на Тангендерга и недоуменно произнес:

– Станный он.

Едва шаги старца стихли снаружи, Тангендерг вдруг резко поднялся на ноги. Сталь клинка тускло блеснула в темноте, отразив пламя очага. Сплюнув жвачку, он схватил Кори за загривок и ударил головой об столб. Парнишка медленно сполз на покрытый соломой земляной пол. Бросив на него сверху охапку сена, каданг выхватил головню из очага и шагнул за порог.

* * *

Кори очнулся от сильного хлопка по щеке. Из тумана, застилавшего взгляд, проявилось суровое лицо, обрамленное длинными светлыми волосами.

– Где он? – спросил человек по-арамейски.

Кори недоуменно захлопал глазами. Молодой арамец схватил его за шею и одним движением поставил на ноги.

– Где он? – повторил арамец.

– Кто? – спросил Кори.

В голове все гудело так, что даже думать было больно, ноги подкашивались, арамеец крепче сжал пальцы, удерживая мальчишку.

– Каданг, который был с тобой.

Кори присмотрелся к арамейцу и, наконец, узнал сына правителя Хорума.

– Я не знаю, – пробормотал мальчишка.

Поняв, что ничего вразумительного от юного бродяги не добиться, Атрий оттолкнул его прочь. Не удержавшись на ногах, Кори упал на охапку сена.

– Княжич! – окликнул своего предводителя один из воинов снаружи. – Взгляни.

Атрий вышел из хижины. Воин указал ему на следы борьбы:

– Здесь был бой. Кругом кровь. Похоже, человек десять прикончили, не иначе.

Атрий опустился на одно колено, коснулся кончиками пальцев мокрой земли.

– Хишимерцы, – произнес он, опознав следы подков и сапог. – Они все-таки нашли бродягу.

– Опоздал, княжич, – не без ехидства заметил Гишер. – Ты же не думал, что храм отправил лишь одного меня на поиски бродяги.

Лежа связанным поперек седла, жрец приподнял голову и оскалился в усмешке. Атрий поднялся на ноги и одним резким ударом вышиб из Гишера сознание и пару зубов.

– По коням! – скомандовал Атрий. – Хишимерцы не могли уйти далеко, и их осталось не больше двух десятков.

Арамейцы вскочили в седла и пришпорили гиппарионов. Отряд помчался на полночь.

Кори на четвереньках подобрался к выходу, поднялся, держась за дверной косяк, и осторожно выглянул наружу. Позади послышалось фыркание. Оглянувшись на унылую кобылу Тангендерга, мальчишка почесал в затылке, потом пощупал шишку на лбу и, наконец, принял решение. После недолгих сборов он вывел кобылу наружу, взобрался ей на спину и умоляюще потребовал:

– Поторопись, милая, мы спешим!

На лошадь его требование не возымело должного действия. Впрочем, даже если бы она и попыталась, вряд ли старой кобыле удалось бы догнать боевых гиппарионов арамейских воинов. Силуэты всадников очень скоро растворились вдали.

Дождь, зарядивший накануне, с рассветом почти прекратился, однако воздух по-прежнему оставался влажным, небо все так же застилала серая пелена. Весь день она нависала над степью тяжелым покровом. Под вечер воздух сгустился сырым туманом, небеса вновь разразились мелким морозящим дождем, грозившим затянуться на пару дней.

С наступлением сумерек воины Атрия спешили и повели за собой гиппарионов в поводу. Опытные следопыты шли впереди, но даже они не смогли распознать следы хишимерцев, когда на степь опустилась ночь.

– Не останавливаться, – тихо поторопил своих бойцов Атрий.

– Темно, – так же тихо отозвался один из воинов. – Хишимерцы там, впереди, они тоже не могут двигаться дальше в темноте. Как бы нам не наткнуться на них неожиданно для самих себя.

Казалось, ночь уже просто не может стать темнее, но взглядам людей чудилось что-то еще более темное во мраке. Словно что-то безмерно огромное вышло в степь с приходом ночи. Незначительные дуновения ветра касались лиц влажным густым туманом, но арамейцам казалось, что к ним со всех сторон тянутся незримые щупальца таинственных чудовищ, вызванных на подмогу хишимерскими жрецами. Бывалые воины, не раз встречавшие опасность лицом к лицу, теперь поеживались, чувствуя нечто, от чего леденило душу.

Гишер все так же лежал поперек седла со связанными руками и ногами. Кроме того, ручные и ножные путы соединялись веревкой под брюхом гиппариона, что не позволяло пленнику просто прыгнуть на землю. Впрочем, основательно избитое и замерзшее тело

уже повиновалось с трудом. Дорожный плащ, покрывавший спину, впитал дождевую влагу и потяжелел, струйки воды стекали по спине на шею, проникали в уши, ноздри, глаза. Как и арамейцы, хишимерский жрец чувствовал присутствие в степи чего-то сильного, грозного.

Очередное прикосновение будто даже толкнуло гиппариона, мягко и практически незаметно, но вместе с тем жестко и непреклонно. Лишь один Гишер почувствовал, что весь арамейский отряд постепенно отклоняется в сторону от намеченного пути.

Веревка под брюхом гиппариона натянулась, словно зацепилась за что-то в траве, и лопнула. Гишер приподнял голову. Влажная темнота толкнула в плечи, пленник соскользнул с седла. Стиснув челюсти, чтобы не выпустить из глотки стон, он сжался в комок и откатился в сторону, избегая встречи с копытами гиппарионов и сапогами арамейцев, шедших следом. В кромешной тьме воины провели своих коней мимо.

Через некоторое время жрец решился сесть. Он попытался распутать веревки на ногах, онемевшие разбитые пальцы плохо слушались. Распутать намокшие узлы на руках зубами так же не получилось. Так и не достигнув успеха, жрец пополз туда, где чувствовал присутствие другого служителя своего культа.

Необычные прикосновения будто живой темноты почувствовал и Кори. Но, в отличие от арамейцев, паренек ни на шаг не отклонился от изначального направления. Заслуга в этом принадлежала лишь старой кобыле Тангендерга – безучастную и равнодушную ко всему вокруг лошадь ничто не могло сбить с пути. Если Кори пугал оживший мрак, то лошадь не обращала внимания вообще ни на что. Остановилась она, лишь когда копыто уперлось в спину прятавшегося в траве человека. Кори услышал сдавленное ругательство и склонился вниз, силясь разглядеть что-либо в темноте. Лошадь прижала свою находку копытом к земле и не шевелилась, словно охотничья собака, схватившая добычу. В другое время Кори подивился бы столь странным навыкам этой старой клячи, сейчас же его больше интересовал человек, попавшийся на пути.

– Ты кто? – настороженно спросил мальчишка.

– Убери с меня эту тушу, – послышалось в ответ сдавленное требование.

Кори спешился и присел рядом с незнакомцем. Он похлопал лошадь по колену, кобыла послушно убрала копыто со спины человека. Тот, кряхтя и постанывая, перевернулся на бок, затем сел на земле.

– Ты кто? – снова спросил Кори.

– Путник, – ворчливо отозвался незнакомец. – Помоги мне. Есть нож?

– Зачем? – не понял мальчишка.

– Ты поменьше разговаривай, – снова проворчал незнакомец. – Развяжи меня.

Попавший под копыта человек оказался связан по рукам и ногам. Кори насторожился:

– У тебя странный акцент, – заметил он. – Ты не арамец. И голос твой кажется знакомым.

– Похоже, ты не из тех, кто сидит дома, так же, как и я, – ответил незнакомец. – Может, и встречались где-нибудь на постоялом дворе. Ты прав, мальчик, я не из Арамеи. Но ты же не оставишь меня погибать на холоде под дождем в этой степи.

Кори помедлил немного, потом нащупал в поклаже Тангендерга короткий нож и на ощупь перерезал веревки, стягивавшие запястья и лодыжки незнакомца.

– Кто связал тебя? – поинтересовался мальчишка.

На всякий случай он не стал прятать нож обратно и держал в руке. Вряд ли ему хватило бы духу ткнуть клинком в человека, но все-таки даже такое неприязнительное оружие придавало больше уверенности в себе.

– Разбойники, – ответил незнакомец, сидя на земле и разминая затекшие конечности. – Мне удалось сбежать. Куда ты направляешься в такую непогоду, мальчик?

– Я разыскиваю одного человека. Его недавно увезли хишимерцы.

– Вот как?! – голос путника заметно оживился. – Тут проезжал недавно небольшой отряд хишимерцев. Я знаю, где их лагерь. Я провожу тебя. Идем.

Кори снова насторожился. В беспокойные времена на пограничье, когда вокруг каждый сам за себя и против всех, любое предложение помощи от незнакомого человека могло вызвать лишь подозрения.

– Просто укажи мне, в какой стороне этот лагерь, я сам их найду.

– Мальчик, я очень ослаб, мне страшно оставаться в степи совсем одному, – голос путника жалобно задрожал. – Если ты хочешь найти лагерь хишимерцев, я пойду с тобой, для меня все равно хуже уже не будет. Может быть, по пути встретится какое-нибудь жилище, где я смогу укрыться от непогоды. Ты же не бросишь меня здесь?

– Ну, хорошо, – нехотя согласился Кори. Он определенно уже слышал где-то голос неожиданного попутчика, но как раз именно это почему-то и настораживало. – Идем.

– Нам в эту сторону.

Кори снова взобрался на круп лошади. Ухватившись за косматую гриву кобылы, незнакомец побрел рядом.

Ветер, что прежде, казалось, толкал с одной стороны, пытаясь сбить с пути, теперь, напротив, закруживал, темнота обнимала влажными объятиями дождя, расступалась и снова обнимала, словно направляя.

На исходе ночи горизонт обозначился светлой полосой на восходе и растекся туманом. Сидя верхом на кобыле, Кори то и дело клевал носом, от усталости притупилось даже чувство настороженности и тревоги, но холод и сырость не позволяли окончательно провалиться в забытие. В затуманенное сознание ворвался голос спутника:

– Там.

Он указал вперед.

– Ты уверен? – усомнился Кори, с трудом разлепив веки и проморгавшись. – Я ничего не вижу.

В предрассветном тумане, застелившем степь, невозможно было рассмотреть что-либо и за тридцать шагов.

– Когда чего-то не можешь увидеть, внимательней слушай, – наставительно посоветовал спутник.

Мальчишке и впрямь показалось, что сквозь шелест дождя доносится фыркание гиппарионов. Случайный попутчик повернул голову, Кори вздрогнул:

– Ты был на постоялом дворе Хорума! Ты жрец Тота!

– А ты был там с бродягой кадангом, – кивнул Гишер, ухмыльнувшись. – И сейчас разыскиваешь его. Хочешь освободить своего приятеля?

Кори отшатнулся прочь, едва не свалившись на землю. Жрец взмахнул рукой и ловко накинул на шею мальчишки петлю, которую тайком соорудил по пути из обрезков веревки, недавно связывавшей его самого. Кори захрипел, задыхаясь. Пытаясь пальцами ослабить удавку, он наугад ударил жреца пяткой. Удар пришелся в нос, Гишер выпустил веревку из рук. Кори хлопнул кобылу по боку, лошадь послушно потрусила вперед. Жрец ухватился было за хвост животного, но удар копытом в грудь отбросил его назад.

Очертания лошади и юного наездника растворились в тумане. Гишер приподнялся на локтях, с трудом сел на колени и попытался крикнуть, боль сдавила грудь, из глотки вырвался лишь хрип. Закашлявшись, жрец припал лицом к мокрой пожухлой траве.

Чутье не обмануло Гишера, впереди действительно оказалась походная стоянка хишимерского отряда. На ночь здесь обошлись без костра. Хишимерские отряды, совершавшие набеги на поселения пограничных степей, давно уже не опасались получить достойный отпор со стороны арамецев, однако предпочитали соблюдать осторожность, особенно теперь, сопровождая столь ценного для своего мрачного и мстительного божества пленника.

Пленного Тангендерга не просто связали, его обмотали толстой пеньковой веревкой так, что он стал похож на кокон шелкопряда. Обычно способный распознать опасность за сотню шагов, в этот раз каданг позволил подобраться противникам слишком близко. Похоже, старик странник, гревшийся с ним и мальчишкой у очага в заброшенной хижине, неспроста оказался там, иначе никакая непогода не позволила бы хишимерцам обмануть звериное чутье каданга и приблизиться незамеченными. Несмотря на полученное преимущество, хишимерцам пришлось дорого заплатить за победу, не менее десятка противников пало от клинка Тангендерга. Для него схватка в ночи тоже не прошла бесследно: стрелы пробили плечо и ключицу, волосы на затылке слиплись в бурый ком от удара шестопером. После полученных ран он до сих пор не мог прийти в себя. Тем не менее, сопровождавший отряд жрец считал, что пленник вполне способен дожить до прибытия в Мархаб, а потому хишимерцы не стали утруждаться заботами о его здоровье, ограничившись лишь перевязкой открытых ран.

Из тумана выскользнула худенькая фигурка, узкая ладошка легла на лицо каданга, зажала ему рот и нос.

– Тихо, – прошептал Кори.

Убрав ладонь, он разрезал веревку, стягивавшую тело Тангендерга и принялся распутывать кокон. Освободившись от пут, каданг вытер лицо кулаком и чуть слышно заметил:

– У тебя рука грязная.

– Не грязнее тебя самого, – огрызнулся Кори. – Вот, возьми.

Тангендерг почувствовал в ладони древко секиры. Он покачал головой:

– Сейчас из меня плохой боец. Уходим.

Опираясь на секиру, он осторожно направился вслед за своим освободителем прочь из лагеря. Задремавшие на своих постах часовые наверняка не заметили бы побега, однако послышавшийся издали топот копыт не вовремя привел их в чувство. Один из стражей преградил дорогу беглецам. Оттолкнув Кори в сторону, Тангендерг принял удар меча на древко секиры, поднырнул под руку стража и оказался у него за спиной. Зазубренное бронзовое лезвие врубилось в шею хишимерца, сломав позвонки, тот рухнул на колени и упал лицом в траву. Тангендерг скрипнул зубами, собственная стремительность движений отозвалась такой болью во всем израненном теле, что на мгновение потемнело в глазах. На грязных повязках темными пятнами проступила свежая кровь.

Из тумана на сонный лагерь обрушились арамейские всадники. Потеряв за ночь след хишимерского отряда, на рассвете Атрий отправил несколько дозоров в разные стороны. Бывалые охотники-следопыты даже в тумане сумели отыскать стоянку противника. Ранний час играл на руку, в такое время особенно трудно противиться сну, и можно было рассчитывать, что дозорные задремали на своих постах, как и оказалось на деле. Усилившийся за ночь дождь также давал преимущество, его шелест скрывал все прочие звуки. Зажимая морды гиппарионам, арамейцы подошли на расстояние в полполета стрелы к лагерю хишимерцев и только тогда взобрались в седла.

Ворвавшись в лагерь, арамейские воины рубили молча, без обычных в битве выкриков, призванных воодушевить своих товарищей и посеять панику в рядах врагов. Даже те, кто оказался на ногах в этот час, не успевали дать должный отпор и падали изрубленными под копыта арамейских гиппарионов.

– Вон он! – услышал Тангендерг голос за спиной.

Скорее почувствовав, чем услышав приближение всадника, каданг подтолкнул Кори вперед, сам же перехватил рукоять секиры обеими руками и повернулся к противнику.

Разгорячено храпя и разбрасывая копытами грязь, к нему приближался гиппарион. Всадник привстал на стремях, готовясь поразить каданга копьем. Туман уже начинал понемногу рассеиваться и Тангендерг без труда узнал молодого воина, вмешавшегося в его

схватку с наемными головорезами на постоялом дворе в Хоруме. Однако теперь сын князя Литария явно был настроен еще менее дружелюбно, чем в прошлый раз.

Позади затихали последние звуки битвы, арамейцы безжалостно добивали раненых врагов, немногим хишимерцам удалось спастись бегством. Не избежал гибели и жрец, сопровождавший хишимерский отряд. При других обстоятельствах уцелевших в короткой схватке противников захватили бы в плен, сейчас же они стали бы лишней обузой в пути.

Скудный свет пасмурного утра померк внезапно, словно кто-то накинул на степь непроницаемый покров. Сам воздух сгустился над беглецами тенью, многим арамейцам почудились в этой тени смутные очертания паука.

Передние копыта гиппариона Атрия подломились, конь кувыркнулся, перекатившись через всадника. Разгоряченного Атрия это не остановило ни на миг, он тут же вскочил на ноги. Остановиться его заставила лишь темная дымка тени, отгородившая Тангендерга от арамейцев.

Копье Атрия пронзило тень. Руку прожгла боль, кольчужная перчатка расплелась и осыпалась, сквозь почерневшую плоть воин увидел костяшки собственных пальцев на остатках рассыпающегося прахом древка копья. Мозг разорвало от дикой боли. Прижав раненую руку к груди, Атрий упал на колени и склонился к земле. Темная сила волной ударила по арамейцам, опрокидывая их вместе с гиппарионами.

Из тени перед Тангендергом возникла фигура в плаще.

– Чего надо? – недружелюбно поинтересовался каданг.

– Тебе нигде не скрыться, беглец, – прозвучал знакомый голос из-под капюшона. – Рано или поздно, кто-нибудь все равно тебя настигнет.

– Особенно, если еще и ты будешь в этом участвовать, – заметил Тангендерг, тяжело дыша. – Это ведь твое колдовство позволило хишимерцам подобраться к той хижине незаметно.

– Да, Тень скрыла их от тебя, – не стал отрицать старец. – Между тем, я могу избавить тебя от преследований.

– Разве похоже, что они меня беспокоят? – поинтересовался каданг.

Даже сейчас в его усталом хриплом голосе слышалось абсолютное равнодушие, словно ему было наплевать на всех вокруг и на самого себя.

– О, да, – Старец из тени усмехнулся. – Человек, которому ничего не нужно, которому ничего не дорого. Тебя трудно хоть чем-то заинтересовать.

– Хорошо, что ты это понимаешь, – процедил Тангендерг. – Надеюсь, больше не увидимся.

Старец не пошевелился, но тень за спиной каданга сгустилась и грубая жесткая сила пригнула его к земле. Тангендергу пришлось снова опереться на секиру, чтобы устоять на ногах.

– Напрасно надеешься, – Голос старца утратил мягкость, обволакивающую дурманом, стал жестким и резким, как удар копья. – Последователям Тота нужна твоя кровь, их противникам – твоя смерть. С каждым днем противостояние будет усиливаться, ты лишь мелкая сошка в больших планах других людей. Рано или поздно они все равно достигнут своей цели и распорядятся тобой по своему усмотрению. Я наблюдаю за тобой с той поры, как ты впервые ступил на ногарский берег, для тебя нет ничего более унижительного, чем быть использованным в чужих интересах. Но именно эта участь тебя ожидает.

Тангендерг приподнял голову, взглянул на старца исподлобья. Грозная сила по-прежнему ломала его, кадангу стоило немалых усилий остаться на ногах и не упасть на колени, каждая жилка в теле дрожала от напряжения. Намокшие повязки уже почти не сдерживали кровь, что сочилась из открывшихся ран, с дождевой влагой она размывалась по телу ржавыми разводами. Равнодушие Тангендерга могло бы соперничать с непробиваемостью гра-

нитной скалы, тем не менее, старец почувствовал исходящую от каданга злобу невероятной силы, готовую выплеснуться наружу штормовой волной.

– Никто не в силах заставить тебя делать что-либо против твоей воли, это так, – продолжал старец. – И мне нечего тебе предложить только лишь потому, что тебе ничего не нужно. Но есть одно, что гложет тебя на протяжении многих лет. Ненавистное тебе имя и после смерти оваяно легендами, а ты остаешься лишь жалким подобием своих предков. Я дам тебе шанс сравниться в доблести с тем, кого ты ненавидишь. Брось вызов своему богу. Поднимись в святилище.

– С чего бы мне следовать твоим советам? – прохрипел Тангендерг.

– Следуй собственным желаниям. Только ты знаешь, почему много лет назад отступил от границ святилища в горах Потана. Для всех ты остался ничтожным трусом, недостойным находиться в тени своих предков, от которых ты отрекся. Как бы ни было тебе наплевать на мнение остального мира, это грызет тебя изнутри, разъедает душу, единственное, что лишает тебя покоя.

– Если тебе хочется так думать, пусть так и будет. С чего вдруг такая забота?

– Ты нужен мне. Миром правят сильные личности. Одним сильным человеком стало меньше, благодаря тебе. Покажи миру свою силу. И не говори, что я не нужен тебе. Я лишь подсказываю тебе сделать то, что ты сам давно желаешь. Брось вызов богу, что когда-то вел за собой отвергнутый тобою народ. Ты рожден воином, битва у тебя в крови, тебе не нужно ничего доказывать никому, кроме как самому себе. Он единственный твой соперник, которого ты способен у бояться, кто может поколебать твою уверенность в себе, и ты живешь с этим страхом.

Сила, пригibasшая Тангендерга к земле, исчезла, он смог, наконец, распрямить спину. Взгляд каданга не сулил ничего хорошего.

– Вижу, ты растерял еще не все чувства, – удовлетворенно заметил старец.

– Похоже, тебе гораздо больше, чем мне, хочется, чтобы я поднялся в святилище, – мрачно процедил Тангендерг. – Будь по-твоему. Но ты непроходимо глуп, если считаешь, что можешь безнаказанно использовать меня в своих целях. Я войду в храм, это я тебе обещаю, а потом разыщу тебя, и ты пожалеешь, что не прикончил меня сразу.

– Есть более значительные вещи, достойные моего сожаления, – ответил старец. – Не переоценивай себя.

Тень обволокла старца и заскользила по степи, словно гонимое ветром облако. Сразу стало светлее, хотя небо по-прежнему затягивала тяжелая свинцовая пелена.

С земли приподнялся Кори. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никакой угрозы нет, он поднялся на ноги и подбежал к Тангендергу. Заметив кровь на одежде и волосах каданга, Кори обеспокоенно произнес:

– Ты ранен. Надо перевязать как следует.

Тангендерг молча отстранил его руки. Мальчишка вздохнул и вдруг ударил каданга кулаком в бок. Даже от слабого удара подростка у каданга перехватило дыхание, настолько его ослабили к этому моменту сопротивление Тени и полученные ранее от хишимерцев ранения.

– Ты хоть понимаешь, что я одним ударом могу вбить тебя в землю? – процедил Тангендерг сквозь зубы.

– Уже почти вбил, там, в хижине, – пробурчал Кори, красноречиво продемонстрировав шишку на лбу. – Мог бы просто сказать спрятаться.

– Ты только за этим сюда притащился?

– И за этим тоже.

Тангендерг сплюнул, подхватил секиру и зашагал обратно к разгромленному стану хишимерцев.

- Эй, ты куда?! – окликнул его Кори.
- Приведи мою лошадь. Надо отыскать свой меч и собрать кое-какие припасы, мне предстоит дальняя дорога.
- А я?
- А ты делай что хочешь. Но сначала приведи лошадь.
- Облако тени, покинувшее Тангендерга, обволокло Гишера, уткнувшегося лицом в землю.
- Подними голову, – услышал жрец требовательный голос.
- Гишер осторожно приподнял взгляд до уровня пояса говорившего, не решаясь посмотреть выше.
- Пойдешь за ним, – приказал старец. – Присмотришь. Совершишь ошибку, я скормлю тебя твоему богу.

* * *

Беззвучно прошептав последние слова молитвы, Тороний поднял голову и расцепил пальцы. Несмотря на прожитые годы, полностью выбелившие длинные волосы, князь и бессменный комендант арамейской столицы оставался все так же крепок, как и в былые времена, когда участвовал в легендарном походе Хорруга. Даже в просторном молитвенном зале храма его фигура выглядела огромной.

– Он вернется, – прозвучал тихий, но вместе с тем уверенный голос.

Князь чуть повернул голову и взглянул на верховного жреца. Проницательный служитель культа без труда догадался, за кого возносил молитвы богам его старый друг. Старший сын князя Демилий, избравший для себя путь служения Дромидиону, сейчас находился в землях Старой Ногары, где утвердились приверженцы Тени.

– Тяжелые предчувствия гнетут меня, Аммат, – произнес Тороний.

– Увы, мой друг, они оправданы, – отозвался жрец. – Нас ожидают большие потрясения.

– Война? – спросил князь.

– И это тоже. Когда твой сын вернется, я смогу сказать более уверенно, с какой стороны нам ждать беды.

– Я и сейчас могу это сказать. Давно пора было раздавить хишимерцев и загнать обратно в полночные леса.

Аммат покачал головой:

– Хишимерское царство представляет серьезную угрозу, но отнюдь не самую большую. Думаю, скоро у нас появятся проблемы посерьезнее.

– Не хочешь же ты сказать, что нам угрожает Тень? Она ушла далеко на восход и никогда не вернется.

Аммат снова покачал головой:

– Пока я ничего не хочу сказать. Я жду известий.

Тороний ненадолго задумался, затем произнес:

– Говорят, что на вершине башни, куда ты поднимался, видели малиновое облако. Ты определенно что-то знаешь.

Аммат ничего не ответил. В этот момент вошел воин в белом плаще и, поклонившись, сообщил жрецу:

– Прибыл гонец из Хорума. Он желает видеть тебя.

Аммат и Тороний переглянулись.

– Я приму его в своих покоях, – кивнул верховный жрец.

Воин Дромидиона снова поклонился и вышел. Аммат коснулся плеча Торрония.

– Ступай, друг мой. И будь готов ко всему.

– Я всегда готов, – заверил жреца князь.

Аммат и сам знал, что может быть полностью уверен в старом великане, как и во многих других князьях, что вывели арамейские племена из полных лесов и привели их под знаменем Хорруга к побережью Круглого моря. Проверенные в боях товарищи крепко держатся за землю, завещанную им первым царем и императором, и ни за что не уступят никому врагу.

В личных покоях верховного жреца пред ним опустился на одно колено и склонил голову молодой воин в легких кожаных доспехах с бронзовыми клепками.

– Ты ранен? – спросил Аммат, заметив, как неестественно бледен воин.

Тот откинул полу плаща, обнажив правую руку. До самого локтя рука почернела и иссохла до костей.

– Тебя коснулась Тень, – догадался жрец. – Я слышал о подобном прежде, но своими глазами вижу впервые. Где ты встретился с Тенью?

– В степи, к закату от Легарды, – ответил воин. – Мое имя Атрий, мой отец князь Литарий, правитель Хорума. Мы сопровождали плененного хишимерского жреца в Орамос.

– Легарда лежит в стороне от пути из Хорума в Орамос, – заметил жрец.

– Это так, – кивнул воин. – Мы свернули с пути в поисках одного человека.

– Видимо, этот человек очень важен для тебя, – предположил Аммат.

– Он важен для всей Арамеи. Хишимерские жрецы разыскивают этого человека, чтобы его кровь вновь открыла Тоту врата в наш мир. Хишимерцы готовятся к войне, в начале весны их армия вторгнется в Арамею.

Аммат на мгновение задумался, затем спросил:

– Бродяга каданг? Так он еще жив?

– Увы.

– Увы? – переспросил жрец. – Ты хотел убить каданга?

– Да, чтобы его кровь никогда не пролилась на алтарь Тота. Но над степью появилась тень паука, темный вихрь разметал моих воинов и пожрал мою руку. Бродяга ушел, пленный жрец также сбежал.

Аммат снова на некоторое время погрузился в размышления.

– Поднимись, – приказал он воину.

Тот встал на ноги, что далось ему с явным трудом.

– Куда ушел бродяга?

– Не скажу точно, кажется, на закат.

– Ты принес мне ценные сведения. – Аммат перевел взгляд на костяную руку гонца: – Сожалею, не в моих силах излечить твою руку. Если ее не отнять, эта зараза иссушит все твоё тело.

Атрий думал недолго.

– Как я уже сказал, грядет война. Мне понадобится моя жизнь, чтобы защищать свою землю. Меч я могу держать и левой рукой.

* * *

Кизим натянул поводья и вскинул руку. Сопровождавшие его сыновья остановили своих гиппарионов.

Издали казалось, будто все пространство на границе пахотных равнин и песков, что надвигались на Хингару со стороны Наккаты, объято пожаром. Дым тысяч костров последователей Тени застилал небо, повиснув грозной тучей, видимой чуть ли не с самого ардонского берега. Но приблизившись к стану чужаков, хингарцы не увидели ничего, кроме темного покрова тени.

– Стой на месте, – приказал Кизим одному из старших сыновей, предугадав его намерение приблизиться к тени. – Всем стоять!

Главу одного из самых могущественных хингарских кланов сопровождал целый отряд из восемнадцати сыновей от многочисленных жен. Горячие своенравные хингарцы без всяких сомнений бросились бы на штурм неожиданного препятствия, но грозный окрик отца заставил их сбавить пыл.

Тень рассеялась внезапно, темный покров взметнулся вверх и распластался в небе силуэтом паука. Взорам открылось пирамидальное ступенчатое сооружение, на вершине которого стоял человек в плаще с капюшоном, скрестив руки на груди. За пирамидой открылся и весь необъятный стан Тени.

До владений хингарских кланов долетели лишь отголоски той кровопролитной войны, что сокрушила империю ногаров, властвовавших над половиной мира. И вот теперь Тень оказалась здесь, предлагая хингарским воинам присоединиться к ее армии. Тщательно обдумав и взвесив в уме все выгоды и убытки от такого союза, Кизим одним из первых предводителей хингарских кланов решился на переговоры.

Гиппарионы заволновались под седоками, храпя и перебирая копытами. Они кружились на месте и норовили встать на дыбы, словно вознамерившись сбросить всадников.

– Пожалуй, нам лучше спешиться, – произнес Кизим, поняв, что беспокойство гиппарионов вызвано не одним лишь присутствием Тени.

Хингарцы спрыгнули с седел, гиппарионы сразу успокоились.

Человек в капюшоне приблизился к главе клана. Он не спустился по ступеням пирамиды, а словно скользнул по воздуху, стремительно и неуловимо, как облачко тени, в одно мгновение оказавшись перед Кизимом.

– Полагаю, раз ты здесь, решение принято, – произнес ведущий Тень.

– Не торопи меня, – отозвался хингарец. – Ты собираешься в большой поход и тебе нужны хорошие бойцы. У меня много отличных воинов, но чего ради мне присоединяться к твоему войску? Здесь у меня есть все, а что будет там?

– Там у тебя будет еще больше, – ответил ведущий Тень. – Ты сможешь взять себе столько земли и рабов, сколько сумеешь.

– Что потребуешь взамен? – поинтересовался Кизим.

– Только ваши клинки.

Кизим отвел взгляд и провел ладонью по своей седеющей бороде. Старец в капюшоне усмехнулся.

– Хингарцы славятся не столько своей воинственностью, сколько жадностью, – заметил он, без труда угадав причину раздумий главы клана.

И без того угрюмый воин помрачнел еще больше. Никто иной не осмелился бы сказать подобное хингарцам в лицо, не рискуя пасть изрубленным. Но опыт прожитых лет и многочисленных битв удержал руку Кизима, готовую схватиться за рукоять меча. Впрочем, не требовалось обладать особой проницательностью, чтобы не почувствовать гнетущую силу Тени. При любом неосторожном движении эта сила наверняка раздавила бы дерзнувших напасть на самого верховного жреца Тени.

– Но я рассею твои сомнения, – продолжал ведущий Тень. – Здесь у тебя замки, дома, стада, рабы... Как только ты покинешь Хингару, все, что не сможешь забрать с собой, поделят между собой другие. Но посмотри на это с другой стороны. Поддержишь меня, взойдешь со мной на Маграхир, и сможешь не только получить новые богатства в землях Севера, но и вернуться сюда непобедимым. Миром будут править союзники Тени, тем же, кто противится ей, уготована участь рабов. Ты чувствуешь силу Тени?

И Кизим, и его сыновья и в самом деле физически ощущали давление колоссальной грозной силы.

– Тебе решать, с Тенью ты или против нее, – закончил старец в капюшоне.

* * *

Литарий взялся за серебряный кубок и поднялся из-за стола.

– За здоровье наших гостей пью! – громогласно объявил он.

– И тебе долгих лет, добрый хозяин! – отозвался ританский князь Даманий, поднимая свой кубок.

Молодой легардийский князь Кадоний промолчал, прочие воины и воеводы, присутствующие за столом, поддержали князей одобрительными возгласами.

– Что-то ты хмур, князь, – заметил Кадонию правитель Хорума, опорожнив кубок. – В чем твоя печаль?

– Еще по зиме я засылал к тебе сватов, – проинес молодой легардиец. – Получив твое приглашение, я счел, что ты созрел для положительного ответа, но, похоже, ошибся.

Кадоний перевел многозначительный взгляд в сторону ританского князя.

– Твоя правда, не для свадебных хлопот пригласил я вас, князья, – кивнул Литарий. – Есть более значительные и важные дела.

– Я так полагаю, речь пойдет о хишимерцах, – предположил князь Даманий.

– Именно, – подтвердил его догадку Литарий. – В начале весны хишимерский царь поведет свое войско на Арамею.

– Достоверны ли сведения? – усомнился Даманий. – Хишимерцы постоянно грабят пограничные земли, но уже много лет не выступают в большой поход. Для войны они предпочитают пользоваться поддержкой своего бога, а он сейчас не имеет значительной силы в нашем мире.

– Ты не совсем прав, уважаемый князь Даманий, – возразил Литарий. – До сей поры воинственность хишимерцев сдерживала клятва царя Азгадера, принесенная Хорругу перед ликом Тота. Но Азгадер умер, теперь Хишимером правит новый царь – Орангер, и он не связан никакими обязательствами. Некоторым нашим людям удалось бежать из хишимерского плена, они сообщают, что в Мархабе непрерывно куют доспехи и оружие, туда стекаются отряды наемников со всего Севера, амбары заполняют припасами, пригоняют табуны гиппарионов, строят обозные повозки и осадные орудия. Царь Орангер принимает на службу бывших ногарских полководцев и воинов. Но самое главное, мы изловили и допросили хишимерского жреца. Он показал, что хишимерская армия выступит в поход в начале весны и двинется к побережью.

Воины загудели, тихо переговариваясь, князь Даманий молча потеревил седую бороду, Кадоний отхлебнул из своего кубка, с громким стуком поставил его обратно на стол и произнес:

– Эти сведения стоит сообщить императору. Оберегать арамейские земли – его забота. Литарий покачал головой:

– Я уже неоднократно отправлял гонцов в Орамос. Император глух к нашим сообщениям. Мой сын Атрий лично повез плененного хишимерского жреца в столицу, но и теперь я не надеюсь на успех.

– Это да, – сокрушенно вздохнул Даманий. – Потомок Хорруга, наш благословенный император Рисстаний, не столь решителен, как его покойный отец. В свое время Хорруг пообещал здешним народам, что будет оберегать их от врагов, однако ни император Рисстаний, ни князья центральных провинций не горят желанием исполнять обязательства, завещанные великим царем.

– Что касается Легарды, мы способны сами себя защитить, – пренебрежительно сказал Кадоний.

– Легардийская кавалерия сильна в бою, – признал Даманий. – Но думается мне, даже она не устоит под натиском хишимерского войска. А уверенность твоя, князь, похоже, крепка лишь от того, что Легарда лежит в стороне, и ты надеешься, что царь Орангер пройдет со всей своей армией мимо, направившись сразу к морю.

Кадоний ударил кулаком по столу и резко поднялся на ноги, следом вскочили сопровождавшие его воины. Ританские и велихарийские воины также поднялись из-за стола. Лишь один Даманий остался сидеть на скамье, невозмутимо накручивая на палец седой ус.

– Хочешь обвинить легардийцев в трусости, князь? – гневно поинтересовался Кадоний.

– Ничуть, – спокойно ответил Даманий. – Только в излишней предусмотрительности.

– Успокойтесь, братья! – призвал Литарий гостей.

Ни те, ни другие не хватались за оружие, среди арамейцев не было в чести проливать братскую кровь, однако в пылу спора вполне могла вспыхнуть кулачная драка.

– Не для того призвал я вас, чтоб друг другу кости ломать, – произнес хозяин дома. – Враг на пороге, не время выяснять в междоусобных драках, в ком храбрости больше.

– Когда придет время, легардийцы на поле боя докажут свою храбрость, – холодно заверил его Кадоний. – Но сражаться будут за свою землю, за свои дома, свои семьи.

– И спокойно смотреть, как грабят дома соседей, – с усмешкой добавил Даманий.

– Каждый должен уметь защищать себя сам, – ответил Кадоний.

– Намекаешь на то, что лишь легардийцы способны держать оружие? – снова усмехнулся Даманий.

– Я говорю прямо, мы защитим свою землю. Но я не поведу воинов сражаться за чужие дома.

– Эх, князь... – Литарий тяжело вздохнул, приблизился к Кадонию, обнял по-отечески за плечи и усадил на скамью. Жестом, он попросил и других занять свои места, гости снова расселись за столом. – Ты молод, друг мой, ты родился уже здесь, на равнине, – продолжал правитель Хорума. – Многие из вас не знают другой родины. Мы же с Даманием пришли в эти степи с Хорругом, мы помним времена, когда арамейские племена жили в лесах. И не было для нас чужих и своих, мы все были братьями.

– Времена изменились, – ответил Кадоний. – Много племен перемешалось на равнине. Теперь среди нас не только арамецы. Я не могу считать братьями всех подряд.

– Хорруг привел нас на эти земли, – продолжал Литарий. – Нам, арамеям, он завещал беречь их от врагов и защищать племена, принявшие арамейское знамя. Годы проходят, клятвы предков забываются. Может быть, кое-кто и не желает вспоминать старые заветы, но я не могу обесчестить память своего царя. С вами или без вас, князь, велихарийцы встанут грудью за Арамею и, если понадобится, будут биться до конца.

– Ританские копейщики присоединятся, – решительно заявил Даманий.

В комнату вошел молодой воин, ладно подогнанные кожаные доспехи подчеркивали стройность его фигуры. Воин снял шлем, по плечам рассыпались золотистые волосы. Даже сам Литарий с изумлением опознал в этом облике свою дочь Иррею.

– Неподходящий наряд для девушки, – заметил Кадоний.

– Лучшего не найти, когда мужчины предпочитают отсиживаться по домам, – с вызовом ответила Иррея.

Кадоний сжал зубы.

– Будь ты мужчиной... – процедил он.

– ...я повела бы войско против врагов Арамеи, – все так же дерзко продолжила девушка, гордо вздернув подбородок.

Литарий покачал головой, Даманий усмехнулся, прикрыв усы ладонью. Кадоний нахмурился, потеревил зубами нижнюю губу и неожиданно рассмеялся:

- Ты все такая же задиристая, как и в детстве.
- А ты в детстве был гораздо решительнее, – все с той же вызывающей дерзостью заметила Иррея.
- Кадоний поднялся, подошел к девушке.
- Я засылал сватов к твоему отцу, – произнес он. – Ты знаешь об этом?
- Знаю, – кивнула девушка. – Но мой отец должен быть уверен, что будущий зять сумеет защитить свою семью.
- Разумно, – с усмешкой согласился Кадоний.
- Он оглянулся на Литария и произнес:
- Сообщи мне, если вдруг появится хишимерская армия. Легардийская кавалерия не останется в стороне.
- Он снова перевел взгляд на девушку и добавил:
- Уверен, твой отец не разочаруется в своем будущем зяте.

* * *

Тангендерг сидел неподвижно, наверное, и более стремительное движение не могло бы раскатить его фигуру, не то, что неспешная поступь старой лошади. Словно почувствовав на себе пытливый взгляд Кори, каданг открыл глаза, сплюнул свою дурманящую жвачку и произнес:

- Говори.
- Ты в самом деле убил Хорруга? – осторожно спросил мальчишка.
- Да, – равнодушно подтвердил его догадку Тангендерг.
- Как же ты мог? – с тоской вздохнул Кори и закусил губу. – Ты... Я даже не знаю, как это сказать...

– Скажи, как есть. Что я отнял у народа Арамеи их правителя, справедливого заступника, защитника, и что, если бы не я, все вы сейчас жили бы безбедно под его покровительством. Только при этом постарайся не забыть, что на пути от лесов к побережью этот ваш благодетель разрушил множество ногарских городов и уничтожил сотни мирных жителей, не говоря уж о тех, кто противился его власти с оружием в руках. А тем, кто принял его знамя, посадил на шею арамейских князей.

Кори насупился и пробурчал:

- Ты или молчишь, как камень, или говоришь только гадости.
- Я говорю правду – бесстрастно поправил его каданг. – Арамейцев ваш Хорруг, конечно, облагодетельствовал, они могут быть благодарны своему первому царю. А вот жители завоеванного им побережья не получили ничего, просто сменили одних хозяев на других. Честно говоря, мне наплевать и на тех, и на других, но Хорруг свою смерть заслужил.

Кори поник головой и некоторое время шагал рядом молча. Потом он покосился на спутника и снова спросил:

- Хишимерские жрецы разыскивают тебя, чтобы принести в жертву?
- Да, – все так же равнодушно ответил Тангендерг. – Один из них сейчас крадется за нами.

Кори бросил удивленный взгляд назад, но никого не увидел.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

– Ты его убьешь?

Тангендерг внимательно посмотрел на мальчишку и, в свою очередь, спросил:

– Считаешь меня бездумным убийцей?

Кори неопределенно пожал плечами.

– Нет нужды отнимать жизнь у того, кто не угрожает твоей или не связан кровавым долгом, – произнес каданг.

– Они же хотят зарезать тебя на алтаре своего бога! – недоуменно воскликнул Кори.

– Это может случиться только в храме, до той поры я нужен им живым. К тому же, я привык к этому типу, он уже не первый год преследует меня. Кстати, неплохо бы, чтоб он был на глазах. Стой.

Услышав команду хозяина, лошадь замерла на месте. Не сходя на землю, Тангендерг взял в руки лук и обернулся. Стрела со свистом сорвалась с тетивы. Издалека послышался сдавленный вскрик.

– Гишер! – крикнул каданг. – Принеси мне мою стрелу, иначе следующую отправлю тебе в голову!

Из травы поднялась фигура и, спотыкаясь на каждом шагу, направилась к путникам. Кори узнал в человеке недавнего спутника, указавшего ему путь к хишимерскому лагерю. Мальчишка поежился и непроизвольно вцепился в сапог каданга.

– Мне не нравится этот человек, – тихо сказал он Тангендергу. – Он пытался задушить меня.

– Да, у него подлая душонка, – невозмутимо кивнул каданг. – В любой момент ударит в спину.

– И ты позволишь ему идти с нами? – удивился Кори.

– Мне он не опасен, а тебя я не держу. Если боишься его, можешь уходить.

Между тем Гишер осторожно приблизился и протянул кадангу стрелу.

– Я остановлюсь на ночлег вон там, – объявил ему Тангендерг, указав на скопление деревьев вдалеке, растопорщивших голые ветви. – Разведешь костер.

– Я не твой раб, – оскорбился жрец, постаравшись придать себе гордый и независимый вид. – Пусть твой мальчишка служит тебе.

– Мальчишка следует за мной по собственной воле и может делать, что хочет. А ты – нет.

При этих словах каданг многозначительно погладил ладонью лезвие своего обнаженного клинка, лежавшего на колене. Гишер скрипнул зубами, но ничего не ответил.

– Вот и договорились, – мрачно подвел итог Тангендерг и скомандовал своей кобыле: – Пошла.

Кори постарался не отставать от каданга, шагая рядом и изредка оглядываясь на жреца, уныло бредущего вслед за ними чуть поодаль.

Достигнув намеченной рощи, Тангендерг спешился.

– Давай, я разгрузу и накормлю твою лошадь, – предложил Кори. – Кстати, как ее зовут?

– Лошадь, – ответил Тангендерг, пожав плечами.

– Ты даже не дал ей имя? – изумился мальчишка.

– Она не жалуется. И о своей кобыле я забочусь сам.

– Да? – снова удивился Кори, на сей раз с нескрываемой иронией. – Вообще-то не очень заметно.

Грязная кобыла со спутанной гривой и в самом деле совсем не выглядела ухоженной. Впрочем, на Тангендерга слова мальчишки не произвели никакого впечатления.

– Как ты вообще на ней едешь? – не переставал удивляться мальчишка. – Ни седла, ни уздечки...

– Если тебе так хочется казаться полезным, приглядывай за жрецом, – прервал Тангендерг его ворчание.

Тем временем Гишер доковылял до стоянки, опустился на корточки у ближайшего дерева и устало привалился спиной к стволу.

- Займись делом, – напомнил ему Тангендерг.
- Вряд ли в такой сырости найдутся сухие ветки, – заметил Гишер, кутаясь в свой потрепанный плащ.
- А ты попробуй поискать.
- У меня руки болят, – попробовал Гишер пробудить в каданге хоть какое-то сострадание, впрочем, совсем не надеясь на успех.
- Я нужен тебе живым, жрец, – произнес Тангендерг. – Ты мне – нет. Помни об этом.
- Гишер тяжело вздохнул и отправился на поиски сушняка. Спустя некоторое время среди деревьев затрещал костер, возле которого и расположились путники.
- Почему ты ничего не ешь? – поинтересовался Кори, кусая лепешку.
- Тангендерг выделил из своих скудных запасов хлеб и вяленое мясо для мальчишки и даже для Гишера, но сам к еде не притрагивался. Вопрос Кори он проигнорировал.
- Странный ты человек, – со вздохом заметил мальчишка.
- Кто бы говорил, – отозвался каданг. – С этим давно все ясно, – он кивнул на жреца. – А какого дьявола ты таскаешься за мной?
- Я хочу стать воином, как ты, – заявил Кори. – Обучишь меня?
- Маска равнодушия на лице Тангендерга дрогнула, что, как уже успел узнать Кори, бывало очень редко. Даже в голосе каданга прозвучали нотки удивления.
- Обучить тебя? – переспросил он. – Для этого тебе стоило остаться в Хоруме и попроситься на службу в княжескую дружину.
- У тебя можно научиться гораздо большему, чем у любого княжеского воеводы.
- Притихший Гишер переводил взгляд с одного на другого с явным интересом.
- Ты слишком жидковат для воинского ремесла, – произнес Тангендерг. – Займись чем-нибудь другим.
- Дай парню несколько уроков, – заступился за Кори жрец, впрочем, с изрядной долей иронии. – По крайней мере, это будет забавно.
- Забавно, говоришь? – тяжелый взгляд исподлобья заставил жреца снова притихнуть.
- Тангендерг перевел взгляд на мальчишку и спросил: – Ты арамеец? Где был твой дом?
- В Велихарии, – ответил Кори.
- Значит, ты подданный арамейского императора. Иди сюда.
- Одной рукой Тангендерг подхватил свой меч, другой подтолкнул Кори к жрецу. Гишер начал было вставать, но мощный удар ногой в грудь опрокинул его на спину. Боль в еще незаживших ребрах сдавила грудь жреца так, что вопль застрял в глотке.
- Убей его, – равнодушно произнес Тангендерг, вложив меч в руки мальчишки.
- Как?! – растерялся Кори.
- Разруби ему башку. Или ребра. Вот здесь, в области сердца. Или пронзи брюхо, умирать будет медленно, в муках.
- Но...
- Что тебя останавливает? Хочешь быть воином, будь готов убивать врагов. Он твой враг. Он собирается привести армию хишимерцев на землю твоего народа и залить ее кровью. Убей своего врага.
- Гишер съежился и зажмурил глаза, не смея сказать ни слова. Кори чуть приподнял меч обеими руками, словно и в самом деле хотел замахнуться для удара, помедлил и снова опустил. С тяжелым вздохом он вернул оружие Тангендергу.
- Это нечестно, – пробормотал мальчишка. – Он безоружен.
- Он бы на твоём месте не колебался, – заверил его Тангендерг. – А будь у него хотя бы нож, ты бы уже лежал мертвым. Ты не создан для убийства, я вижу это по твоим глазам. Займись другим ремеслом, более достойным, не оскверняй свою жизнь.
- По-твоему, быть воином – это плохо? – удивился Кори.

- В убийстве нет никакой доблести.
- Даже когда защищаешь свою землю, свой народ?

– Это лишь красивые слова. На деле одни глупцы бьются с другими по приказу своих царей, вождей, полководцев. Реки крови проливаются лишь затем, чтобы прославить и обогатить какого-нибудь правителя. Думаешь, простым хищникам так уж нужна арамейская земля? Вокруг них полно пустующих земель. Но, одурманенные проповедями фанатиков-жрецов и подчиняясь воле своего царя, они отдают своих детей в его войско, а молодые дурни готовы драться со всем светом, думая, что прославят свои имена и разбогатеют на чужих страданиях. Только далеко не все возвращаются из походов, многие остаются гнить в полях, становятся кормом для воронья и шакалов. Другие превращаются в живые обрубки и просят подаяние на городских площадях. Такие, как он, – Тангендерг кивнул на жреца, снова примостившегося на корточках у костра, – сталкивают народы, забивая людям головы возвышенной чушью. Эй, Гишер, расскажи нам про своего великого бога, который ведет вас к победе.

Жрец потер ладонью грудь, поморщился и хрипло произнес:

– Ты богохульник, в тебе нет ни капли веры. О чем можно разговаривать с человеком, который не верит ни во что?

– Я верую лишь в себя и свой клинок, – сурово отозвался Тангендерг.

– Почему же ты сам стал воином? – спросил Кори.

Каданг покачал головой:

– Я не воин, я защищаю свою жизнь, честь и свободу, не более того.

Он вернулся на свое место, откинулся спиной к стволу тополя и закрыл глаза, давая понять, что не желает продолжать разговор.

* * *

Один из стражей, охранявших вход в покои императора, предупредительно толкнул створку дверей, едва только Амнат приблизился. Даже если бы воины не были предупреждены о визите жреца, вряд ли они осмелились бы препятствовать верховному служителю Дромидиона. Этот человек пользовался уважением и почетом как у князей, так и среди простого народа не только в Орамосе, но и далеко за пределами столицы Арамейской империи.

Молодой правитель Рисстаний сидел на скамеечке возле мраморной чаши с фруктовым деревом и задумчиво перебирал струны кифары, прислушиваясь к нестройным звукам. При появлении жреца он отложил инструмент, поднялся и почтительно склонил голову.

И лицом и телосложением молодой император больше походил на мать, в его облике почти ничего не угадывалось от Хорруга.

Амнат в свою очередь поклонился молодому императору. Перехватив взгляд жреца, направленный на кифару, Рисстаний смущенно улыбнулся:

– Говорят, ногарские музыканты умели извлекать чудесные звуки из таких штук. Жаль, арамейцы не умеют играть на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.